Черный грифон

Автор:
Евгений Мисюрин

Черный грифон

Евгений Борисович Мисюрин

Иногда жизнь не удаётся по той причине, что ты родился не в том мире. Параллельных миров миллионы. И вероятность того, что твоя душа при реинкарнации промахнётся с миром, тоже отлична от нуля. Так и жил бы простой московский парень Платон Смирнов, не вписываясь в современное общество, если бы не воля богини, перенёсшая его в нужное место. В тот мир, где ему уготовано получить всё, о чём мечтал, где он может принести наибольшую пользу людям. Где он может встретить настоящую любовь.

Евгений Мисюрин

Черный грифон

Пролог

Платона я знал с самого детства. Он появился в нашей школе в четвёртом классе, вместе с переходами из кабинета в кабинет и разными учителями по разным предметам.

В то время мы все были молоды и беззаботны, бегали по коридорам, дёргали понравившихся девчонок за косички и нельзя было сказать, кто станет кем, когда вырастет. Кроме, может быть, Серёжки-доктора и Стаса-качка. Серёга уже

в начальной школе любил заглядывать нам в рты и уши, повторяя при этом скороговоркой: «Дышите-не дышите». В его портфеле всегда лежали капли в нос и аспирин.

Стас… Здесь всё было ясно. Его отец был вице-чемпионом мира. Я уже не помню, по какому виду спорта. И теперь я понимаю, что в своём сыне отец Стаса мечтал воплотить всё то, что не удалось ему самому. В результате мальчик до конца школы был самым быстрым и сильным в обоих классах параллели.

Остальные были просто детьми. Баловались, играли на переменке в «копеечку», пытаясь перевернуть чужой пятак ударом своего, плевались из разрезанных ручек жёваной бумагой. Наш класс никогда не считался особо дружным. Он делился на тематические группы.

Самую немногочисленную, но очень уважаемую группу составляли те, кого сейчас принято пренебрежительно называть «ботаны». Отличники. Вопреки всем стереотипам, это вовсе не были трусливые и забитые мальчики, которых заставляли делать задания за других. Наши ботаны могли постоять за себя, и если кому-то нужно было разобраться в задании, или помочь по физике, то заключались вполне серьёзные, взаимовыгодные сделки. А кроме того, все наши отличники, начиная с шестого класса, готовили себя к взрослой жизни. Должно быть именно поэтому Стас к старшей школе очень плотно вошёл в этот конгломерат. Он подтягивал товарищей по физкультуре, и, как ни странно, по химии, которую очень полюбил. А взамен получал твёрдые знания правил русского языка и английских неправильных глаголов.

Но окончательно ботаном Стас не стал, так как с самого первого класса был главным спортсменом нашего коллектива, и, сама собой, вокруг него построилась своя группа. Ребята ходили в походы, куда с ними постоянно напрашивались и другие, не причисляющие себя к спорту, тёплыми вечерами пропадали на сортплощадке, зимой надевали лыжи, а летом часто садились на велосипеды.

Сам я был штатным активистом. Сколько себя помню, состоял в редколлегиях всех возможных газет, писал сценарии, а потом и ставил сценки, утренники, а в старшей школе вечера. Мы организовывали культурные мероприятия и поездки, дарили подарки ветеранам и брали шефство над младшими классами. Это занятие тоже можно назвать увлечением, потому что мы тогда были молодыми, идейными и одухотворёнными.

В классе имелись и другие, не так явно выраженные кружки по интересам, но, что удивительно, Платон так и не смог присоединиться ни к одному из них за все шесть лет учёбы с нами. Он был сам по себе, и он был никакой. Никто из учеников не смог бы, не задумываясь, назвать его увлечения. Как таковых их не было. Время от времени Платон пытался похвастаться прочитанной книгой, но чаще всего это оказывалось всем известное старьё. Или приносил собственноручно сделанную самоделку, которая обычно не работала, или тут же ломалась.

В седьмом классе он тайком показал мне «поджиг» – самопал, который заряжался со стороны ствола серой от спичек. Платон просил никому не говорить, и я выполнил обещание. Но на следующей перемене нас обступили мальчишки с требованием прямо сейчас пойти за угол и «рвануть». Стало понятно, что хранитель секрета сам же и разболтал всему классу.

Поджиг, кстати, не выдержал и одного выстрела. Лишь только к отверстию в стволе поднесли огонёк спички, медная трубка лопнула. Хорошо, что никто при этом не поранился.

Почему-то среди всех одноклассников Платон считал только меня своим другом. Причём моё мнение он не спрашивал. А зря. Я бы сказал, что дружить с человеком, который не знает об ответственности, не держит слово, и приходит на помощь лишь в тех случаях, когда это выгодно ему самому, мне не хочется. Со своей стороны, я не творил ему пакостей, не обзывал и не показывал своё превосходство. Мне даже было немного жаль этого никчёмного человека. Ведь за все годы он не выполнил ни одного общественного поручения, не выступил ни на одной олимпиаде. По-моему, ему даже не нравилась ни одна девочка из класса. Стоит ли говорить, что прекрасная половина щедро платила юноше той же монетой?

Так он и доучился до выпускных, чуть в стороне от общественной жизни класса, сам по себе, ничего из себя не представляющий. Никто даже не знал, чем Платон собирается заниматься после школы.

Позже я сам видел его только дважды, и первый раз на встрече выпускников. Это случилось через пять лет. Мы собрались, чтобы впервые похвастать своими достижениями, как это обычно бывает. Никто не думал, что придёт Смирнов, честно говоря, никто о нём и не вспомнил, но он появился. С опозданием на час,

когда все уже выпили по второй, и активно обсуждали жизнь самых ярких представителей класса. Стас, помню, как раз рассказывал, как его завалили на областных по греко-римской борьбе, из-за чего он занял третье место, как открылась дверь и вошёл Платон.

Он был бедно одет и выглядел неухоженным, хотя и заметно было, что на встречу готовился. Потёртый пиджак в стиле «представителя канадской компании», кажется, тот самый, что был на нём в выпускной, ярко начищенные туфли и слишком длинные, не очень опрятные, волосы.

С ним вяло поздоровались, и беседа продолжилась в своём ключе. Смирнов покрутился по залу кафе, где мы собрались, но так ничего и не заказал. Потом присел ко мне за столик, и, вяло привирая о своих многочисленных успехах, попытался занять у меня денег. Я не дал, и молодой человек отправился в турне по залу, выступая со своим номером возле каждого столика.

Кто-то из девочек смилостивился над попрошайкой, и Платон очень быстро после этого исчез. С его уходом со всех будто свалился тяжёлый груз, и уже через пару минут мы снова обсуждали свои дела, начисто забыв о бывшем однокласснике.

Второй раз я видел Смирнова два года назад. Он пришёл ко мне домой, и я сначала даже не узнал его. Передо мной стоял совершенно другой человек. Волевой, испытанный. Прошедший огонь и воду. Он вырос на меньше, чем на пятнадцать сантиметров, его фигуре теперь мог бы позавидовать и Стас, а в глазах появился стальной блеск. Передо мной стоял настоящий стальной гигант с таким лицом, что впору сниматься в фильмах про Ночной дозор – сразу видно ярого воина света. Причём, «ярый» в старом значении этого слова – солнечный, горящий. Даже повседневный пиджак смотрелся на нём как рыцарские латы. Про таких людей говорят, что в них есть стержень. На меня смотрел взгляд настоящего лидера, который может не только собрать вокруг себя толпу, но и превратить её в армию.

Я бы ещё долго восхищался изменениям, которые произошли с моим старым знакомым, но он, голосом, не предполагающим возражений, попросил чая, и, когда мы выпили по половине чашки, задал совершенно неуместный вопрос:

– Жень, ты же фантаст?

Чтобы на это ответить, достаточно было повернуть голову и глянуть на обложку любой моей книги. Поэтому я не стал ничего говорить, просто кивнул в ответ.

– Ты пишешь про всякую мистику, переселение в иные миры, про другие расы и волшебство.

Это были не вопросы. Такое ощущение, что Платон просто проверял уже известные ему факты, как на допросе языка. Ответа не требовалось, достаточно было кивка, что я и сделал.

И тут прозвучала ключевая фраза. Именно из-за неё, как я понял, мой бывший одноклассник и приехал ко мне в дом.

– А сам-то ты в это веришь?

В глазах его снова была сталь, голос стал твёрдым. Казалось, дай я неправильный с его точки зрения ответ, и меня тут же швырнут за решётку. Честно говоря, я замялся.

– Во что-то, возможно, и верю. Но у меня же нет доказательств. А никакая вера без фактов долго не живёт.

– У тебя есть доказательство. Это я.

Он встал во весь свой двухметровый рост и расправил плечи.

– Вспомни, каким я был. И ни за что не изменился бы, если бы не попал в другой мир.

Я сидел, не зная, что и думать. С одной стороны, изменения налицо. Но это могла быть и служба в одной из горячих точек, и… да мало ли, какие приключения способны выковать из невнятного мальчика настоящего мужчину. А с другой стороны, перед собой я видел не просто мужчину. За столом стоял, держа в руке фарфоровую чашку с чаем, человек, по глазам которого было видно, что он не отступится ни перед чем, что на него можно положиться во всём, даже доверить жизнь. И что этот человек всё-таки немного не от мира сего. Он явно прошёл через что-то невероятное. А может, сошёл с ума, пытаясь

как можно дальше уйти от образа неудачника.

– Ты же понимаешь, что этого мало? – неуверенно спросил я.

В глазах Платона на мгновение вспыхнул холодный огонь, чем-то похожий на отблеск электросварки. Он напряг скулы, и я даже испугался, что мои опасения верны и Смирнов действительно не в себе. Но в следующее мгновение раздался его спокойный и уверенный голос:

– В мире действительно существует мистика. Люди бы не читали твои книги, если бы в них не было ни слова правды. Пусть не все о ней знают. Каждый день по всей Земле исчезает не один человек. Исследователи изучают аномальные зоны. Значит он есть.

– Кто? – полушёпотом спросил я.

– Проход. Ворота в иной мир. Надо только найти, где они находятся.

– Зачем тебе это?

– Здесь скучно. Я хочу домой.

Этот ответ запутал меня ещё сильнее. Говорил человек, по которому было видно, что Земля – не единственное место, где он побывал. Но «домой» …

– Похоже, ты сейчас прикидываешь, не сошёл ли я с ума, и не вызвать ли санитаров, пока дом ещё цел, – он раскатисто и заразительно захохотал. – Поверь, я абсолютно нормален. Просто последние два года я провёл в месте, которое стало моим домом. И теперь ищу способ туда вернуться.

Он посмотрел на меня и засмеялся снова. Представляю, как я выглядел. Платон положил руку мне на плечо и предложил:

– Если хочешь, я приду завтра и всё тебе расскажу. Это будет замечательный сюжет для твоей книги. А сейчас, извини, у меня через полчаса встреча.

– Но как? Скажи хоть что-нибудь?

Я боялся, что он уйдёт и не вернётся. Этому человеку невозможно было не верить. Глаза, лицо, жесты, всё говорило, что он не лжёт. И сами слова ложились прямо в душу, не оставляя места сомнениям. Мне хотелось узнать историю Платона Смирнова как можно быстрее.

– Я всё расскажу завтра. Завари чай.

Я согласно кивнул, и мой необычный гость стремительно вышел. А я ещё несколько минут сидел, переваривая информацию.

Часть 1

Глава 1

К следующему разговору я готовился очень основательно. Проштудировал труды уфологов и исследователей аномальных зон, списался со знакомыми альтернативщиками. В результате чего получил массу доказательств возможности перехода человека из нашего мира в параллельный, и также уверения, что такое случается чуть ли не сплошь и рядом. Что интересно, люди, доказывающие мне одно и тоже, на самом деле настолько противоречили друг другу, что создать сколько-нибудь стройную картину параллельных миров у меня так и не получилось. Или общие понятия, не имеющие при этом частностей, или наоборот, весь механизм перемещения, но нет общей картины.

В конце концов, я купил бутылку хорошей водки, мяса, и решил, что с такими аргументами любой околонаучный спор пойдёт гораздо продуктивнее. Потом вспомнил нынешнее телосложение Платона и пошёл за второй бутылкой.

С утра я занимался готовкой. Когда ждёшь нужного тебе человека, то неосознанно хочешь его чем-то заинтересовать. В случае с мужчиной лучше всего для этого подходит еда. А конкретно – жареное мясо. Утром я проверил наличие в доме специй, подготовил кухонный инструмент. Затем нарезал

свинину ломтями по паре сантиметров толщиной и сложил в объёмистую миску, пересыпав солью, перцем и молотой гвоздикой, а также проложив между слоями кольца лука. После чего не спеша открыл красное сухое вино.

Несведущие люди часто пытаются замачивать свинину в полусладком, а совсем отчаянные, даже в сладком вине. Есть и такие, кто против всякой логики, использует для маринада белое вино, а то и уксус, но их я даже вспоминать не хочу. Конченые личности. Нет, я сделал всё по уму. Красное сухое давно ждало своего выхода в шкафу. Кто-то хранит вино в холодильнике, но как специалист скажу – лучше так не делать. Если есть закрытый, не остеклённый шкаф, положите бутылки туда и тогда вам не придётся ждать, пока переохлаждённое вино придёт в себя и наконец-то заиграет своим ароматом.

Так что я взял красное сухое вино, аккуратно, стараясь не брызгать драгоценную жидкость зря, залил мясо, и начал резать стручковую фасоль и спаржу. Занимает эта процедура как правило пять-семь минут, и их вполне хватает для первичного пропитывания.

Когда овощи готовы, я обычно достаю по одному куски мяса, промакиваю салфеткой и тщательно их отбиваю. Ну, а потом укладываю обратно, уже без лука. К тому моменту, когда последний кусок мяса отбит, первый уже можно класть на сковородку.

Жарил я недолго, буквально пару минут с каждой стороны. Отбитая свинина широко расползлась, потеряв всю свою толщину, поэтому доходила до кондиции почти мгновенно. Ну, а до состояния сухаря прожаривают мясо, да ещё и свиное, только неумелые домохозяйки, боящиеся всякой мифической заразы. Мужчина же, в своей массе, предпочитает видеть, как истекает прозрачным, с коричневыми разводами жареного жира, соком, кусок на его тарелке.

Провозился я до полудня, время оставалось только на то, чтобы пожарить картошки и заварить хороший чай.

Кстати, мало, кто из моих знакомых умеет правильно заваривать чай. А тех, кто пьёт правильный напиток, ещё меньше. Очень часто я с ужасом наблюдаю, как человек берёт чашку, кипятит воду прямо в ней, безжалостно помещая тару, из которой собирается пить, в микроволновку. А затем, без тени сомнения, опускает туда пакетик и ждёт, когда отрава достигнет нужной ему степени

коричневого цвета.

В такие моменты мне хочется спросить: «Ты зачем себя мучаешь? Желаешь выпить яду – прими цианид, не растягивай мучение на годы.» Ведь ни микроволновая печь, ни чайный пакетик вообще не стоило бы относить к пищевым продуктам и кухонной технике.

Вот, например, знаете ли вы, что в Советском Союзе микроволновки не производили не потому, что промышленность так и не выкрала технологию производства на западе? Всё гораздо сложнее. После длительных исследований выяснилось, что вскипячённая в печи высокой частоты вода не только теряет свою структуру, но молекулярные кластеры её реорганизуются в несовместимые со здоровьем человека структуры. Проще говоря, вода становится вредной.

А пакетик чая? Вы много можете найти в нём чайных листьев? Нет, нет и нет! Только чайная пыль с конвейера по нарезке листа и краситель. Разве это чай? Разве из-за такого напитка Британская Ост-Индская компания устраивала колониальные войны? Разве это пили при дворе его Императорского Величества?

Кто-то, возможно, начнёт мямлить: «да где в России найдёшь хороший чай?» Во-первых, найдёшь. В специализированных магазинах. А во-вторых, зачем? С пятнадцатого века и до Революции Россия экспортировала свой чай, да ещё и настолько хороший, что именно его пили в Букингемском дворце. Это Кипрей или Иван-Чай. А если его собрать и ферментировать самому, то не останется никакого сомнения, что ты пьёшь именно то, что хочешь, а не то, что насыпал в коробку нерадивый производитель.

А если его ещё и грамотно заварить… Точно так же, как положено заваривать настоящий чай. В чайничке, сохраняя под тёплым покрывалом или чайной грелкой пятнадцать минут. Кстати, этот способ сохранился у нас с тех времён, когда вся страна пила Иван-Чай. Это потом, после Революции, он пропал и из статьи экспорта, и с прилавков, уступив место индийскому. Поставляемому той же самой Ост-Индской компанией.

Я делал всё старательно, накрыл на стол, поставил водку в морозилку, даже немного прибрался в доме, и в половине третьего был полностью готов к приёму гостя.

Смирнов появился ровно в три часа дня. На плече у него висела объёмистая спортивная сумка и у меня мелькнула мысль, уж не собирается ли он прямо от меня отправиться в свой параллельный мир. Но он приветливо кивнул, с глухим стуком поставил сумку на пол в прихожей, и крепко пожал мне руку.

– Приветствую. У тебя вкусно пахнет. Ждал?

После этих слов мне подсознательно показалось, что хозяин в доме как раз Платон, а меня он нанял, чтобы я навёл порядок и приготовил к его приходу обед.

Гость загадочно улыбнулся и продолжил.

– Ты, я так думаю, водки купил? А я со своей стороны тоже не с пустыми руками.

Он расстегнул сумку и явил на свет явно самодельный кувшин литра на три объёмом, оплетённый высохшей виноградной лозой.

– Водку-то я не пью, – продолжал Смирнов. – Да и тебе не советую. Гадость. Вот домашнее виноградное – другое дело. Держи. Грузинское. Только вчера привёз.

Я несколько оторопело принял тяжёлый кувшин и спросил, больше, чтобы показать, что хоть немного разбираюсь в грузинских винах:

– Цинандали? Или Киндзмараули?

– В нашем случае «А-не-всё-равно-ли», – с обезоруживающей улыбкой ответил гость. – Домашнее. Отец друга в Кулеви ставит. Вот и меня угостил.

– Кулеви? Это где?

– Чуть севернее Поти. Грузия, – пояснил он, видя, что я так и не сориентировался.

Наконец я закивал и пригласил гостя к столу.

– У нас, конечно, не Грузия, но отсутствием гостеприимства тоже не страдаем, – с достоинством сказал я и положил нам обоим по куску мяса.

Несколько минут за столом стояла полная тишина, слышен было лишь звон приборов да время от времени тяжёлое сопение. Наконец, Платон откинулся на спинку стула и довольно произнёс:

– Благодарение хозяину. Такого вкусного мяса я давно не едал.

Я непроизвольно улыбнулся. Мне неожиданно оказалась приятна похвала этого человека. И стало даже странно, что ещё позавчера я бы не расстроился, если бы узнал, что Платон Смирнов, например, умер.

– Так выпьем же за хозяина этого дома и его гостеприимство, – продолжал между тем гость, поднимая со стола кувшин.

К моему удивлению, глиняный раритет оказался заткнут кукурузным початком и залит натуральным пчелиным воском. Платон под моим удивлённым взглядом достал из кармана складной нож, срезал воск, затем ловко проткнул початок и с хлопком вытащил его наружу. И тут же разлил по бокалам вишнёво-красное, густое, как масло, вино. По комнате распространился приятный, будоражащий чувства, запах. Пахло югом, летом, виноградом и праздником. Мои губы сами собой растянулись в улыбке.

– За тебя, – коротко сказал Платон и опрокинул бокал в рот.

Я не стал повторять его трюк и пил вино мелкими глотками, стараясь растянуть удовольствие от вкусного напитка. Никогда раньше я и не пробовал ничего подобного. Когда бокал опустел, я с сожалением посмотрел на медленно сползающую по его стенке последнюю густую каплю. Затем, перевёл взгляд на гостя и начал доклад.

– Я поговорил с известными мне специалистами по параллельным мирам.

– Вот за это спасибо, – голос Платона снова стал покровительственным и мне опять стала приятна похвала.

– Они говорят, что невозможного в твоей ситуации ничего нет.

– Так они могут мне помочь?

Я ещё раз взглянул на гостя и решился. Думаю, в моей ситуации мало, кто сдержался бы и не попытался выведать у Платона его историю.

– Тебе никто не сможет помочь, – решительно начал я, – пока не узнает во всех подробностях, что с тобой случилось.

Мои слова показались мне самому недостаточно убедительными, и я попытался пояснить.

– Здесь ведь как у врача – чем точнее диагноз, тем успешнее лечение. Поэтому я и прошу рассказать со всеми подробностями, чтобы в случае каких-то вопросов мог на них ответить, даже если тебя в этот момент нет рядом.

– Да я и не против, – просто ответил Смирнов. – Всё равно хотелось кому-то это поведать. Только вот людей, которые могли бы поверить в мои приключения ещё не встречал. Так что с удовольствием расскажу тебе. Может, хоть польза будет.

Я вынул мобильник, положил его на стол между чашей свинины и кувшином вина, и включил диктофон.

– Я готов.

Смирнов встал, зачем-то сделал несколько суетливых шагов туда-сюда по кухне, снова сел, взял салфетку и тщательно промокнул губы. Затем налил из кувшина ещё по бокалу вина, залпом выпил свой и снова промокнул губы. Руки его чуть заметно подрагивали.

– Это началось восьмого марта девяносто девятого.

Рассказ был сбивчивым, Смирнов то и дело возвращался к прошлым событиям, забывал какие-то подробности, затем вспоминал их и приостанавливал повествование, чтобы вернуться в нужное место и вставить ремарку. Язык его чуть отличался от манеры разговора всех окружающих. Иногда он, явно

оговариваясь, поминал непривычных богов, того же Велеса, Перуна и Рода. Кроме того, из повествования я понял, что отношение к женщинам там, где он был, разительно отличалось от нашего. Да и многое другое. Закончил он рассказ через несколько часов, когда кувшин уже опустел.

Я за всё время не произнёс и двух десятков слов. Единственное, что я сказал, были либо междометия удивления, либо выражение согласия с рассказчиком, когда это требовалось.

Мы сидели в тёмной кухне, потому что никому не пришло в голову встать и включить свет. В окно светила полная луна, заливая помещение мертвенным белым и перерезая предметы глубокими чёрными тенями. В этом свете всё вокруг казалось нереальным и мистическим.

Платон наклонил ко мне бледное в ночном полумраке лицо и доверительно сказал:

– Ты можешь даже сделать из моего рассказа книжку. У меня только одно условие.

– Какое? – так же тихо спросил я.

– Пусть твои друзья помогут мне попасть домой.

Глава 2

Приключения начались восьмого марта. Платон возвращался домой, в доставшуюся по наследству однушку, с бутылкой пива в руке, и страдал. В праздничный день было особенно заметно, как он несчастен. «Ну почему мне так не везёт?», то и дело возвращалась мысль. Все из класса худо-бедно, но устроились в этой жизни. Девчонки вон, на встрече были с ног до головы в золоте. Мальчишкам тоже нашлось чем похвастать. А что же он? Ведь хороший человек. Не дурак, не сволочь. Даже от армии не откосил. Может, стоило тогда остаться по контракту? Сейчас бы была служебная квартира, приличная зарплата, паёк, форма. А не ютился бы в подаренной мамой перед отъездом

однушке, каждый день думая, что поесть вечером.

Мать Платона, Олеся Станиславовна, всю жизнь была военнослужащей, обеспечивала связь. Десять лет назад она вышла замуж за однополчанина, болгарина по национальности, Аввакума Добрева, который остался служить ещё в Союзе после окончания военного училища. Она сменила фамилию, и сразу после выхода на пенсию по выслуге лет молодожёны переехали на родину мужа, в маленький город Лозенец, на берег Чёрного моря. Платон с отчимом не поехал, остался в ещё дедовой однокомнатной квартире, и теперь частенько об этом жалел.

Вот и сейчас он вспомнил фотографии, с завидной регулярностью присылаемые матерью, и на душе стало ещё гаже. В Болгарии было хорошо. На губах мамы появилась забытая с момента развала Союза улыбка, за спиной постоянно маячило море…

Если бы не Аввакум, то не было бы никаких вопросов. Но мужа матери Платон не переносил. Жёсткий, волевой человек, он настойчиво пытался поставить мальчика на мужской путь. Конечно, как он сам его представлял. Зарядка, ежевечерние проверки уроков, походы на полковое стрельбище, и самое страшное издевательство – трёхдневный выход в строю взрослых солдат в составе полка.

Платон до сих пор с содроганием вспоминал эти ужасные дни. Изнуряющий бег, после которого вся без исключения одежда оказалась мокрой настолько, что можно было выжать воду. Умывание ледяной водой, рытьё окопа малой сапёрной лопаткой. А там ещё повсюду были камни…

Все три ночи он, здоровенный, как ему казалось, парень, плакал в подушку, стараясь, чтобы не услышали спящие рядом.

Нет, когда родители съехали в Болгарию, выпускник Смирнов однозначно вздохнул с облегчением. К тому же и мать, и Аввакум оставили ему, независимо друг от друга, немаленькие суммы. Увы, деньги кончились почти одновременно со школой.

А потом жизнь показала свою неприглядную изнанку.

А может, в какой-нибудь монастырь уйти, подумал Платон. Там же ничего делать в сущности не надо, знай, долби поклоны и читай молитвы. Или нет? Жизнь послушников для молодого парня конца двадцатого века была тайной за семью печатями. Нет, сначала надо всё точно узнать. А уже потом решать, как изменить жизнь. Но что её надо менять, в этом сомнений не оставалось. И Смирнов уже догадывался, с чего начнёт.

Завтра с утра на пробежку выбегу, в который раз подумал он. Потом куплю газету с объявлениями. И начну обзванивать конторы. Надо хоть куда-то пристраиваться, а то стыдно на себя смотреть. Вокруг люди в роскоши купаются, один я… и песня началась сначала.

Вокруг действительно не бедствовали. Навстречу Платону шла ослепительно красивая золотоволосая девушка в броском красном пальто, весело размахивая чёрной лакированной сумочкой. Прямо возле неё остановился огромный, блестящий, под цвет сумочки, внедорожник с наглухо затемнёнными стёклами.

Платон мельком глянул в глаза девушки и понял, что пропал. В один миг все причитания в его голове свелись к твёрдому решению найти пусть самую тяжёлую, но хорошо оплачиваемую работу, чтобы можно было пригласить эту красавицу в ресторан или театр. Он уже набрался смелости. чтобы подойти и познакомиться, но тут двери внедорожника открылись, из них горохом высыпали двое и схватили девушку за локти.

Третий не спеша вышел с противоположной стороны. Блондинка вскрикнула и начала неумело отбиваться. Но плечистые парни в кожаных куртках даже не обращали на её попытки внимания. Прохожие, завидя сцену насилия, совсем не спешили на помощь несчастной. Наоборот, те, кому позволяло расстояние, сохраняя видимость достоинства, переходили на другую сторону, а те, кто оказался слишком близко к месту действия, ускоряли шаг, стремясь побыстрее оставить страшную сцену позади.

В другой ситуации Платон бы мигом слинял в ближайшую подворотню или хотя бы перебежал на противоположную сторону улицы, но, к несчастью, он уже видел умоляющий взгляд девушки. Что я делаю, меня же убьют, подумал молодой человек. Хорошо, если сразу застрелят, а то ведь сломают ноги, и прощай надежды на работу, обогащение и знакомство с прекрасной девушкой. Но эти мысли уже не могли его остановить.

Смирнов перехватил бутылку пива за горлышко, не обращая внимания на льющую за рукав пену, и, сначала пешком, но с каждым шагом всё больше ускоряясь, рванул навстречу. Первый удар получился очень удачным. Он попал нижним краем бутылки прямо в лысую макушку одного из похитителей. Тот вскрикнул и упал на колени, зажимая голову руками. Но в этот момент над окровавленной лысиной подранка появился огромный, красный с синими татуировками, узловатый кулачище с массивным золотым перстнем на среднем пальце. Кулак с неотвратимостью судьбы приближался к лицу Платона. Потом последовал тяжёлый удар в переносицу, в голове прозвучал взрыв и стало темно и тихо.

Когда Платон пришёл в себя, то сперва долго не мог понять, что с ним. Под спиной почему-то было твёрдо и колко, а голова болела. Не могла же одна несчастная бутылка пива натворить в организме столько бед? Но потом память восстановила последние события и молодой человек, рывком поднявшись, открыл глаза.

Смирнов сидел на большой куче прелых резных листьев вперемежку с огромными, со сливу размером, желудями. Похоже, что именно они и кололи спину. Над головой раскинулась крона величественного дуба. Платон присмотрелся к дереву. Похоже, Создатель начал строительство вселенной именно с него. Метра три в обхвате, не меньше девятиэтажки высотой. Кора замшелая, серо-коричневая, покрытая широченными трещинами, размером почти с байдарку.

Ну да, подумал молодой человек. Где же мне ещё быть, как не в лесу. Решили, небось, что готов, вот и прикопали под дубом. Спасибо, хоть контрольный в голову не сделали. Он поднялся, размял застывшие за время лежания ноги, и обошёл вокруг дерева. Да уж. И вправду величественный дуб. Так и кажется, что за поворотом увижу сидящую на ветвях русалку или кота на цепи. Он судорожно проверил карманы. Перед тем, как бросить в лесу, бандиты обязательно всё забрали бы. Но к его удивлению, содержимое карманов чёрного суконного бушлата оказалось на месте. Пустой кошелёк, паспорт СССР, так и не замененный на новый, российский. В джинсах нашлись раскладной ножик с пилкой и штопором, ключ от металлической двери, два самолётных пакетика соли и один сахара, и свёрнутый в трубочку медицинский жгут с метр длиной. Электронные часы на руке тоже никуда не исчезли, и уверенно показывали девять тридцать утра.

– Жить будем, – почти весело сказал сам себе Платон.

Пора было думать о том, как выбираться. Март всё-таки, ночи холодные. Он ещё раз поднял голову и посмотрел на дуб. Над ним колыхались серо-зелёные резные листья. Под ногами травы не было, лишь прелая листва, но дальше, за пределами радиуса кроны, трава поднималась почти по пояс. Не очень похоже на март, подумал Платон. Вокруг бушевал несомненный июнь. Летали шмели и пчёлы, в траве то там, то здесь проглядывали разноцветные лепестки неизвестных Смирнову цветов. Каштан метрах в пятидесяти от дуба настойчиво задирал в небо свои белые свечки.

Платон поднялся, несколько раз присел, потом попрыгал. Ноги работали нормально. Он помахал руками, наклонился вперёд, затем назад, вправо и влево. Тело было в порядке. Голова тоже не болела, так что удар обошёлся без последствий. Смирнов медленно обошёл вокруг царь-дуба. Нереальное дерево. Он достал ножик, открыл лезвие и, сначала осторожно, затем всё более уверенно начал ковырять кору. Откалывались только маленькие кусочки, не больше спички. Повозившись несколько минут, Платон отошёл в сторону.

Прежде всего следовало озаботиться водой. Пить хотелось всё больше. Прикинув, что ручьи в такой чаще вряд ли будут сильно загрязнены, молодой человек пошёл по расширяющемуся кругу вокруг дерева, тщательно глядя под ноги. Ручей нашёлся буквально через пару минут. Он вытекал почти из-под самых корней толстенного, ну, может, чуть стройнее дуба, неизвестного Платону дерева с пятнистым серым стволом. Кора гиганта легко отслаивалась тонкими пластинками.

Смирнов долго примерялся, но затем плюхнулся на живот и сунул руку в самый родник. Пальцы тут же сковал холод. Поднял замёрзшую, сложенную лодочкой ладонь, отхлебнул щемяще-ледяной, сладкой, воды и с наслаждением выдохнул. Напиться удалось буквально тремя глотками.

Пора было озаботиться дальнейшими действиями. Ситуация предлагала два варианта – либо оставаться на месте, разжечь костёр, желательно набросать в него сырых листьев для дыма, и ждать, пока кто-нибудь заметит огонь или дым. Либо идти прямо. В случае, когда неизвестно, в какой стороне дом, можно идти куда угодно, главное – не сворачивать. И тогда обязательно выйдешь или к реке, или к дороге, или к жилью. Ну, а там уже можно действовать по ситуации.

Платон долго думал, какой из вариантов выбрать, даже достал из кошелька монетку, чтобы подкинуть на удачу. Но подступающий голод решил всё за него.

Если двигаться, то в любом случае придётся останавливаться, чтобы разжечь костёр и что-то приготовить. Грибы, например, или, скажем, зайца. Как ловить и, тем более, разделывать зайцев, да и любую другую дичь, Платон не знал, но надеялся, что справится. Так вот. Если идти, то всё равно придётся останавливаться. Так не лучше ли обосноваться здесь, развести костёр побольше, и ждать. К огню хищник не подойдёт, а любой лесник, обследуя участок, обязательно заметит если не огонь, то дым.

Смирнов сбросил бушлат прямо на прелые листья, благо в лесу становилось всё теплее, и занялся сбором хвороста. Сухих веток вокруг валялось много, листья тоже могли внести свой вклад в дело обогрева. Так что уже через пять минут чуть в стороне от дубовой кроны высилась гора тонких прутьев, обильно сдобренная листвой. Осталась мелочь – развести костёр. Ни спичек, ни зажигалки не было.

Платон нашёл ветку с большой палец толщиной, ножом заточил у неё один конец, упёр его в кусок твёрдой дубовой коры и начал бешено вращать, зажав своё изобретение между ладоней. Так прошло около трёх минут. В коре появилось заметное углубление, острый конец палки приобрёл блеск полированного дерева, но ни огня, ни даже дыма так и не наблюдалось.

Смирнов вполголоса выругался, в таком лесу не просто не хотелось кричать, даже говорить бранные слова около этого величественного дуба казались страшным кощунством, будто материшься в храме. Отбросил конструкцию в сторону и задумался. Дыхание восстановилось быстро, усталость из рук тоже ушла. Можно бы и продолжить, но ведь он явно делал что-то не так. Молодой человек пытался вспомнить всё, что когда-то слышал и читал о разведении огня без спичек. Кажется, там использовали трут, вату или ещё что-то быстро загорающееся. Вату… а вот нет ваты. Да и трут Платон представлял очень абстрактно. А что есть? Он огляделся. Был только бушлат. Суконный, кстати. А значит, можно аккуратно, чтобы не наделать дыр, надёргать из него волосков, собрать их в подобие того самого мифического трута и попытаться снова.

Только на этот раз без заострённых веток и коры. Есть же другие способы. Кремень и огниво, например. Кремень – это твёрдый камень, желательно с углеродом в своём составе. Платон вспомнил, как на дне города какой-то кузнец

показывал, как куют всякие инструменты, а потом взял осколок булыжника, ударил по нему твёрдой железякой, вроде напильника, и получил целый сноп искр. Он тогда долго рассказывал, что горит как раз углерод в стали и кремне. Вот это другое дело, подумал Смирнов. Осталось найти кремень, ну или похожий на него булыжник.

Булыжник торчал из земли тут же, под дубом. По размеру он скорее напоминал валун, был почти наполовину вросшим в землю, но и торчащая наружу часть доставала Платону до колена. Хорошо бы отколоть от него кусочек, а потом уже и огонь добывать. Он машинально поднял небольшой, в два кулака камень, и ударил по валуну. Результата не было. Смирнов замахнулся снова, затем внимательно посмотрел на свою правую руку.

– Ну и дурак же я, – самокритично заметил молодой человек.

В руке он держал почти готовый кремень. Теперь следовало найти что-то заменяющее кресало.

Из подходящих предметов в кармане был только нож. Его матовая стальная ручка теоретически вполне могла высекать искры. Во всяком случае, Платон на это очень надеялся. Он взял булыжник в левую руку, долго перехватывал правой нож, пытаясь добиться идеального положения, и вдруг резко ударил по камню вскользь. Вылетело несколько мелких искорок, угол ручки загнулся внутрь. Что-то явно шло не так. Однако, искры, хоть и в небольшом количестве, вылетали, а значить, принцип действия правильный. Смирнов сел коленями на полу бушлата, и стал скрести по ткани лезвием ножа, время от времени аккуратно собирая срезанные ворсинки на дубовый листок. Когда было добыто две щепотки шерсти, он снова взял в левую руку заветный булыжник, затем подумал, открыл в ноже тонкую пилку с мелкими зубчиками, аккуратно положил на камень немного суконной щетины, и резким движением провёл пилой по камню. Искр вылетело гораздо больше, внутри суконной кучки показалась маленькая ярко-красная точка.

Платон дунул, но вовремя остановился – сукно уже совсем собиралось разлететься. Пришлось работать лёгкими еле-еле. Когда половина кучки уже тлела, выпуская едкий дым, пахнущий горелыми волосами, Платон добавил мелко покрошенный между пальцами сухой лист.

Через пять минут костёр горел устойчиво и не собирался тухнуть. Дело осталось за малым – найти, что пожарить на этом огне.

– Ну разве я не молодец? – вполголоса воскликнул Платон. – Ещё бы дичь какую-нибудь найти. Федя, дичь! – радостно добавил он.

Найти дичь. А чем её добывать? Ни ружья, ни даже лука у молодого человека не было. Если только вырезать копьё…

Смирнов долго бродил среди деревьев, стараясь, впрочем, чтобы огонь костра оставался виден, вглядывался в ветви, но так и нашёл достаточно длинной и ровной. Как назло, все деревья имели широкую крону, состоящую из кривых разноформатных ветвей. Молодой человек уже бродил, разглядывая лежащий на земле сушняк и машинально перебирая содержимое карманов брюк. Вдруг пальцы, в который уже раз, смяли рулон жгута. А почему бы и нет, подумал Платон и достал резинку. Подходящая рогулька нашлась быстро – это не копьё выбирать. Толстая, дубовая, сантиметра три-четыре в диаметре. Ему же не лампочки по подъездам бить, тут всё по-взрослому.

На изготовление рогатки ушло чуть больше часа и половина язычка от левого ботинка. Зато оружие получилось очень внушительное. Платон положил на кожан пятисантиметровый камешек и, растянув сложенный вдвое жгут до упора, выстрелил в дерево, стоящее метрах в двадцати. Раздался глухой удар и с двух веток посыпались листья.

– Таким и убить можно, – с удовлетворением сказал стрелок и пошёл на охоту.

Глава 3

Охота не задалась, что было не удивительно, ведь Платон вышел на дичь впервые в жизни. И не сказать, чтобы лес был пуст. То там, то здесь стремительно перескакивали с ветки на ветку шустрые белки. Правда они всегда успевали за секунду до того, как Смирнов собирался прицелиться. Что-то некрупное постоянно шуршало в окружающих кустах, тоже успешно скрываясь от горе-охотника. Один раз Платон увидел оленя. Он стоял, величественно

подняв рога и что-то пережёвывал, спокойно рассматривая молодого человека. Здесь уже не было смысла поднимать рогатку – такого зверя камешком не сбить. Да и рука не поднялась. Очень уж красиво и гармонично возвышалась рогатая голова над кустами.

По веткам сновали любопытные птицы, так же не спешащие стать ужином. А голод тем временем подступал всё основательнее. Пару раз Платон не выдержал и запустил свой снаряд почти наугад, ориентируясь на шелест веток. Оба раза, впрочем, безрезультатно.

Мелькнула даже мысль поискать улиток. А что? Французы их едят и даже считают деликатесом, так что пуркуа бы и не па? Но и улиток видно не было.

Наконец, Смирнов набрёл на длинную полосу дикого малинника, ограничивающую небольшую полянку с родником.

– Малина! – радостно воскликнул он и без промедления кинулся собирать крупные, почти со сливу, истекающие соком тёмно-красные ягоды.

Было невыразимо вкусно. Желудок, конечно, требовал более основательной пищи, но за неимением лучшего, принял и малину. Несколько минут молодой человек не замечал ничего вокруг, увлечённый лакомством, но вскоре понял, что он не единственный любитель малинки в этом лесу. Слева, шагах в пятнадцати, раздавалось густое сопение вперемежку с довольным чавканьем. Кто-то, безжалостно ломая ветки, явно старался обогнать Платона.

Смирнов осторожно глянул между стволами и замер. Над кустами, то скрываясь в них, то снова поднимая меховую спину, возилась массивная тёмно-бурая туша. Внезапно зверь поднял носатую морду и недовольно глянул на конкурента.

– Ой-ё! Медведь! – чуть слышно, почти про себя, воскликнул Платон и замер.

Что делать? Лезть на дерево? Так общеизвестно, что медведи лазают не хуже, а то и лучше человека. И уж точно лучше непривычного к лесу городского жителя. Убежать? Да уж, убежишь от медведя, если он в броске развивает скорость до семидесяти километров в час.

И уж точно не стоит пытаться подстрелить лесного хозяина из той пародии на оружие, что смастерил Смирнов. Оставалось одно. Когда-то, ещё в детстве, Платон узнал, что лучше всего при встрече с медведем притвориться мёртвым. Мол, всё равно, ни убежать, ни спрятаться на дереве не получится. Так что он ткнулся ничком в землю и, закрыв глаза, постарался дышать потише. Сердце колотило так, что медведь, похоже, слышал его удары. Дыхание превратилось в короткие беззвучные всхлипы, а по лбу потёк липкий, неприятный, холодный пот. Такой «мертвец» мог обмануть только очень доверчивого медведя, но Платон продолжал притворяться, тем более, ничего другого не оставалось – треск кустов малины слышался всё ближе.

Наконец раздался негромкий короткий рык, и над ухом послышалось шумное сопение. Смирнов, не открывая глаз, чувствовал, как зверь подошёл к нему, склонился над плечом, тщательно обнюхал голову. После чего пару раз фыркнул и на голову Платона посыпалось что-то мелкое, после чего стало тихо.

Молодой человек полежал ещё с минуту, но ничего не произошло. Тогда он осторожно открыл глаза, приподнял голову и, опираясь на ладони, осмотрелся. Медведя нигде не было, а прямо перед лицом в земле виднелись пять тонких канавок, явно прочерченных когтями. Платон приложил к ним ладонь и присвистнул. Чтобы попасть в след, пальцы пришлось растопырить, насколько возможно.

И тут руки подломились, Смирнов рухнул лицом на землю и, неожиданно для себя, заплакал. Только сейчас он в полной мере осознал, насколько был близок к смерти.

– Да куда же я попал? – шёпотом спросил он неизвестно кого.

Ответа не было.

Платон лежал на земле ещё пару минут. Руки и ноги дрожали, подняться не было сил. Наконец, волна запоздалой паники прошла, он смог сесть, затем и встать, опираясь о ствол дерева. Но теперь ему было страшно. Казалось, за каждым кустом, под каждым корнем, его ждёт хищник, и любое неосторожное движение приведёт к немедленной атаке. Так ребёнок в темноте боится высунуть ногу из-под одеяла, веря, что его тут же сцапает чудовище.

Платон Смирнов осторожно, пригнувшись, добрался до изрядно уменьшившегося костра, присел на траву и долго бездумно глядел в огонь. Наконец, он глубоко вздохнул и сказал:

– Дожить бы ещё до этих спасателей.

Надо было как-то обеспечить свою безопасность. И идея на этот счёт уже формировалась в голове.

Платон раскрыл нож, и всё так же крадучись, дошёл до неизвестного ему кустарника с длинными и тонкими, похожими на ивовые, ветвями. Заросли этих недолиан молодой человек заметил во время своей неудачной охоты. Ещё подумал, что гибкие и прочные ветви могут пригодиться. Например, корзинку сплести, или морду – рыбу ловить.

Плести снасти Платона научила бабушка, папина мама. Папу Платон никогда не видел, но с бабушкой всё детство поддерживал тёплые отношения, пропадая у неё дома, в деревне, с мая по сентябрь. Возможно, матери просто хотелось летом отдохнуть от ребёнка, а бабушка была рада возиться с внуком, приучая его к сельской жизни.

Вот уж кто не пропал бы ни в какой ситуации. Она была рыбачкой от бога, и для выживания ей нужен был только водоём. Сделать снасти Прасковья Ивановна могла из чего угодно. Она и научила Платона плести сети, выливать из свинца грузила, определять по цвету воды и её течению, где стоит рыба и многому другому.

Поэтому Смирнов со знанием дела нарезал длинных тонких веток, целую охапку, еле руки сомкнул. Отнёс их к костру и теперь не спеша ошкуривал. Про свой страх молодой человек забыл, обманутый малиной голод тоже не доставлял неудобств, и выживальщик поневоле старательно плёл из ветвей гамак, перевязывая соединения свежесодранной корой. Он разумно рассудил, что спать лучше всего на дереве, ну а, чтобы не упасть, стоит соорудить какое-нибудь ложе.

Веток не хватило, и пришлось ещё дважды сходить к заветным кустам, зато к закату в трёх метрах над землёй, между двумя толстыми дубовыми ветвями качался вполне приличный гамак. Он был собран из коротеньких гибких веточек,

крепко связанных сплетёнными из коры косичками. Платон осторожно надавил на подвешенное ложе рукой. Ничего, держит. Ухватившись одной правой, наступил на плетёнку левой ногой, потом поставил рядом вторую. Гамак клятвенно обещал держаться до последнего. Наконец, молодой человек аккуратно улёгся в собственноручно сделанную колыбель, и прислушался. Соединения пару секунд тихонько поскрипывали, видимо, затягивались узлы, затем конструкция обрела необходимую прочность и затихла. Платон пару раз повернулся, затем, осмелев, привстал. Поворочался с боку на бок, даже три раза подпрыгнул, отталкиваясь от плетения спиной. Всё было хорошо.

– И сказал он, это хорошо, – довольно процитировал Смирнов.

И тут же захотел есть. Неудивительно, малина была полдня назад, да и что там было той малины? С минуту он размышлял, глядя на склонившееся к горизонту солнце, затем выдохнул и решительно полез наружу.

Да, забраться в гамак было не в пример проще. Вылезти никак не удавалось. Руки не дотягивались до достаточно прочных веток, а те, что получалось ухватить, сразу ломались. Платон раскачивался, вставал на колени, но всё тщетно. Наконец, ему удалось дотянуться до ветки толщиной в руку, и схватиться. Он рывком выдернул тело из гамака и тут же полетел на землю. Ветка оказалась пустой внутри.

В правой лодыжке пульсировала зубодробительная боль, голова и плечи скрывались в куче прелой листвы, из сомкнутых губ сам собой прорывался стон. Больно-то как…

Платон осторожно сел на землю, подтянул к себе больную ногу, снял ботинок и ощупал лодыжку. Разве что-то можно понять? Кости, вроде, целые. Нога горячая и красная, но это понятно. Он помял ступню, поднялся пальцами выше, и, наконец, нашёл больное место. Кажется, подвернул. Болит сухожилие. И как теперь ходить, а главное – лезть на дерево? На душе стало тоскливо, захотелось завыть от безысходности.

Смирнов ползком добрался до малинника. Где-то среди кустов он видел чистотел. Нашёл. Теперь нужна мягкая кора и что-то с широкими листьями. За корой пришлось хромать всё к тем же кустам, там же росло что-то, напоминающее лопух, только выше и листья меньше. Платон намазал ногу соком

чистотела, обложил его же листьями, сверху намотал лопух, и только потом натянул на образовавшуюся шишку носок. Обвязал вместо бинта корой, стараясь не сильно затягивать, но тем не менее, придать ноге крепость, и обулся. Стоять было можно, но ходить с трудом. Шипя от боли, молодой человек подпрыгнул, потом ещё, и ещё раз. Больно, но можно. Причём, с каждым прыжком боль переносилась легче. То ли привыкала нога, то ли работал чистотел.

Платон подбросил в почти погасший костёр дров, и на полянке стало заметно светлее. Как, однако, незаметно стемнело, подумал он. Следовало начать с малины. Когда настанет ночь, невозможно будет разглядеть ни одной ягоды.

После ужина настала очередь всё тех же кустов с подходящими ветвями. Кстати, их осталось меньше половины. Платон, тщательно выбирая в сумраке достаточно толстые ветки, срезал оставшиеся и отнёс к костру. Через полчаса была готова верёвочная лестница, длиной около двух метров. Нога, кстати, если не двигаться, не беспокоила, хотя наступать было очень больно, и приходилось передвигаться, опираясь только на переднюю часть ступни. Платон, шипя и матерясь вполголоса от боли, кое-как забрался на дуб, и привязал лестницу удавкой к ветке над гамаком.

Попробовал спуститься. Если не наступать на правую пятку, то очень даже удобно. Поднялся, добрался по своей конструкции до надёжной ветви. Лестница предательски скрипела, в темноте плетение получилось не такое прочное, как днём, но держала. Ничего, здесь нагрузка кратковременная, подумал сонный выживальщик, и устало опустился в гамак.

В голове кружились последние события. Чёрный внедорожник, с медведями на борту, какие-то чудовищные рожи, выползающие из кучи листьев, малина в огне. Доброе, улыбающееся бабушкино лицо, похожее на счастливое печёное яблоко, и огромный сазан, который, улыбаясь, выползал из реки по плетёной лестнице. А над всем этим сияло, как солнце, полупрозрачное красивое лицо незнакомки, обрамлённое вьющимися золотистыми волосами.

Глава 4

Солнце золотило вершины вековых деревьев, облака, в страхе перед дневным светилом, сбивались в кучу и спешно убирались в сторону запада. Птицы неуверенно начали свою распевку, пробуя, не простыли ли за ночь их голоса. Роса бриллиантовыми каплями засверкала на травинках и листьях. Платон Смирнов открыл глаза и потянулся.

Всё тело ломило, ноги, будто положили на ночь в холодильник. Руки затекли, при попытке подняться стрельнуло в левом боку, не иначе отлежал на холоде. Молодой человек не замечал красоты нарождающегося утра, он, кряхтя, выбрался из гамака, и теперь стоял на толстой нижней ветке, думая, как бы спуститься так, чтобы не потревожить подвёрнутую ступню. Бушлат его был покрыт мелкими каплями опустившейся за ночь росы, джинсы подмокли, ботинки же, наоборот, задубели. Кряхтя и охая, раненый выживальщик спустился на землю и встал, прислушиваясь к ощущениям. Зачерствевшее холодной ночью тело требовало разминки. Молодой человек попрыгал, всё выше и выше. Нога не капризничала. Тогда он начал наклоны, после них сделал ещё несколько упражнений на растяжку и разные группы мышц. Дыхание стало глубже и чаще, щёки его порозовели, в глазах появился бодрый огонь. Платон снял бушлат, несколько раз встряхнул его в руках, сбивая капли росы.

Пора было озаботиться пропитанием. Он неодобрительно посмотрел в сторону малинника и поморщился. Хотелось чего-то более основательного. Желательно мяса. На худой конец, грибов или рыбы.

С рыбой в этом месте было плохо. Из водоёмов только родник, бьющий из-под корней дерева и узеньким, звенящим ручьём уходящий в сторону восхода солнца. А вот грибы вполне могли бы найтись, если тщательно порыться в прелой листве.

Тут раздалось хлопанье крыльев, и прямо над Платоном, метров на десять выше, на ветку села большая чёрная птица с красным пятном на голове и белым пушистым хвостом. Ветка закачалась, сверху посыпались листья и пара желудей.

– Глухарь что ли? – шёпотом спросил сам себя Смирнов, но ответа, естественно, не дал.

Глухаря он видел лишь на картинках, знал только, что птица это вполне съедобная и даже очень вкусная. Внезапно птица заворковала по голубиному. Только, понятно, гораздо громче.

– Ничего себе, у них тут голуби, – удивлённо прошептал Платон, выискивая глазами на земле подходящий камень.

Снаряд нашёлся быстро – прямо под левой ногой. Смирнов, стараясь не делать лишних движений, присел, кривясь от боли в подвёрнутой лодыжке, ощупью поднял камень и зарядил влажный, переливающийся синим и серым, голыш в рогатку. Затаил дыхание, не столько для точности, сколько от волнения, и выстрелили.

Курлыканье закончилось удивлённым клёкотом, сверху зашуршало, и жертва упала прямо под ноги охотнику. Следом неспешно опускался шлейф резных, серо-зелёных листьев.

Платон подпрыгнул на месте от возбуждения, и ощутимо ударился о землю больной ногой.

– Да! – громко крикнул он.

Молодой человек подхватил трофей за шею и внимательно осмотрел. Большая часть птицы была покрыта чёрными перьями, но шея отсвечивала зелёным, в хвосте виднелось белое пятно, а на голове кокетливо качался красный хохолок. Таких птиц он ещё не видел. Платон снова повертел добычу перед собой, прикидывая, как её теперь ощипать.

– По-моему, ядовитых птиц не существует, – пробормотал он. – Как теперь её разделать?

В этот момент добыча дёрнулась и суматошно забила крыльями. Охотник от неожиданности выпустил тетерева из рук, тот упал, и продолжал молотить уже по земле.

– А! – заорал Платон, схватил первый попавшийся камень и с силой опустил его прямо на красный хохолок птицы.

Та пару секунд сучила конечностями прежде чем, наконец, затихла. Смирнов поднял камень и отбросил его в сторону. Под ним была ямка, в которой кучкой лежали покрытые перьями кости черепа, обильно сдобренные куцыми куриными мозгами. В сторону торчал сплющенный клюв. Платон снова потянул за шею. Остатки головы продолжали лежать в мягкой ямке как в могиле. Он ещё раз глянул на искорёженные останки птичьей головы. На этот раз не поморщился, не отвёл взгляд.

– Царство тебе птичье, – негромко проговорил эпитафию и ногой зарыл ямку.

Предстояло учиться щипать птицу на практике. До этого Смирнов неоднократно видел, как это делается. В бабушкиной деревне ощипать курицу считалось обычным делом. Но самому пока этого делать не приходилось.

– Вроде, горячая вода нужна, – с трудом вспоминал Платон технологию приготовления птицы. – Что ещё?

Память ничего больше не выдала. Перед глазами встал образ бабушки. Вот она рубит голову курице. Та, уже безголовая, вырывается, делает круг по двору, и только потом падает. Бабушка берёт тушку, несколько раз макает её в чан с кипятком, и начинает ловко, только пальцы мелькают, обдирать мокрые перья.

Прикинув, что подойдёт и холодная, он сунул безголового тетерева в родник, и только потом подумал, что неплохо было бы попить. Почему-то суетясь, Платон достал тушку, отложил её в сторону и начал вычерпывать ладонями воду из родника. Со дна поднялась муть, пить стало и вовсе невозможно.

Напиться удалось только через несколько минут, когда вода в роднике успокоилась, а заодно и сменилась. Маленькая лужица, из которой вытекал совсем тоненький ручей, вновь стала прозрачной, и Платон решился-таки напиться.

С птицей всё выходило не так радужно. Несмотря на длительное пребывание в холодной воде, перья выдёргивались с трудом, и в итоге тушка получилась не просто ощипанная, но и местами без кожи. Однако, на костёр она пошла и в таком виде. Платон подозревал, что если бы поголодал ещё день, то мог бы и с перьями не заморачиваться. Зато сейчас он наконец-то приступил к еде. Щедро посыпал солью из пакетика оторванную ногу, и тут же в кустах раздался

громкий треск, и под дуб выскочил здоровенный, на взгляд Смирнова не меньше быка, бурый в серых пятнах кабан с огромными, по полметра, загнутыми вверх жёлтыми клыками.

Здесь же костёр, мелькнуло в голове молодого человека, что ему надо? Сам он открыл глаза, стоя на ветке дуба, почему-то с жареной ногой в руке. Как он смог забраться на дерево с больной ногой и не выронить при этом свой обед, Смирнов не понимал.

Зверь по инерции пробежал по поляне, пару раз недовольно хрюкнул, и встал под деревом, глядя куда-то на юг. Платон поднялся на цыпочки, нога при этом предательски отдалась болью, и увидел, как через кусты летит длинная прямая палка. Она с неприятным хрустом ткнулась в бок кабана, зверь оглушительно всхрапнул и упал на грудь, смешно задрав в небо скрюченный дрожащий хвост.

Хищник попытался подняться, но ноги подкашивались. Он визжал, крутил головой, пытаясь дотянуться клыками до копья, но ничего не получалось. Древко торчало чуть ниже шеи, отчаянно раскачиваясь при каждом движении зверя, но выпадать не спешило. Листва покрывалась чёрной кровью, в воздухе распространялся тяжёлый запах скотобойни. Платона даже немного замутило от увиденного и вони.

Кабан вставал на ноги всё реже, предпочитая лежать на боку, но визжать не перестал. Правда, получалось у него это гораздо тише и отрывистее, видимо, потеря крови сказалась одышкой. Наконец, кусты раздвинулись, и из них вышли трое мужчин.

Радости Платона не было конца. Люди! Наконец-то! Вот и закончилась его робинзонада. Молодой человек, не обращая внимания на цепляющиеся ветви, скользкую кору и больную ногу, стремглав спустился с дерева.

– Здравствуйте! Наконец-то хоть кто-то пришёл, а то я боялся, что так и останусь здесь навсегда.

И тут произошло то, чего Платон никак не ожидал. Один из «встречающих» издал гортанный крик и как-то неожиданно ловко заломил молодому человеку руки за спину.

– Дода, уала деко, ика ёра лукая. Ихалауо? – гнусаво произнёс держащий Смирнова.

Второй что-то ответил. И только тогда Платон обратил внимание на странную одежду охотников. На них не было штанов. Вообще. Какие-то грубые, почти брезентовые юбки до колен, кожаные жилеты на голое тело, и ремни. Ремни везде. Перетянуты пояса, бицепсы, запястья. Широкие кожаные ленты шли крест-накрест через грудь, и даже на голове у одного волосы перетягивала узкий кожаный ремешок. Оставшиеся подошли, долго разглядывали Смирнова, пробуя на ощупь ткань бушлата и джинсов, стучали древками копий по ботинкам и что-то обсуждали на своём непонятном, чуть гнусавом языке. Однако, из рук пленника при этом не выпускали.

Платон понял, что дело худо. Лучше бы он попытался сбежать от того кабана, подумал он. Молодой человек изо всех сил дёрнулся, вложив в движение всю мощь нетренированных мышц.

– Э-эх! – добавляя силы в рывок, в голос крикнул Смирнов.

И в этот момент почувствовал сильный удар по голове. В ушах зазвенело, будто его шарахнули пластиковой канализационной трубой, затылок взорвался болью и молодой человек потерял сознание.

Очнулся Платон от боли. Болели руки, ноги, голова. В ушах звенело и очень хотелось есть. Молодой человек с трудом открыл глаза и его чуть не стошнило. Окружающая реальность никак не хотела фокусироваться, перед глазами слева направо плыли яркие цветные пятна. В ушах будто звучала сирена. Платон попробовал протереть глаза. Руки отдались болью в запястьях.

Глаза удалось привести в норму лишь через несколько минут. Но лучше бы этого не случилось, потому что то, что Смирнов увидел, окончательно привело его в уныние.

Он сидел в большой деревянной клетке, как какой-нибудь попугай. Пол был из нестроганых досок и царапал при каждом движении. Неудивительно, ведь из всей одежды на молодом человеке остались одни трусы. Запястья украшали кольцеобразные синяки, явно от верёвки. Кому пришло в голову связывать и так бессознательного пленника, выяснилось через пару минут. А пока…

Пока Платон продолжил осматриваться. К его удивлению, даже прутья у клетки были не железными, а представляли собой толстые, сантиметров по пять, бруски. Тоже, естественно, нестроганые. Платон напрягся, и глянул за пределы клетки. Глаза всё ещё плохо слушались, чтобы перевести фокус с ближнего расстояния на дальнее, пришлось проморгаться и прищуриться. В стороне медленно, покачиваясь, плыли макушки деревьев. Из-под клетки торчало большое, как у трактора, деревянное колесо, состоящее из сбитых вместе досок. Дорога была пыльной, нос сразу же защипало, как только Смирнов приблизил голову к решётке, и он отодвинулся. Как оказалось, в клетке его везли не одного. У противоположного края сидели, сбившись вместе, двое в грязной бесформенной одежде, напоминающей то ли туники, то ли просто длинные рубашки. Лица и руки товарищей по несчастью были покрыты толстым слоем серой дорожной пыли. Один из соседей посмотрел в глаза Платона и невнятно сказал:

– Лебеселя.

– Чего? – попытался переспросить Смирнов, но рот выдал только невнятный сип.

Сразу же жутко захотелось пить, а следом и есть. Он прокашлялся, постарался хоть как-то смочить рот почти отсутствующей слюной, и как мог раздельно спросил:

– Где я?

– Ки тусим майну нахим самофару? – переспросил собеседник и для верности помотал головой.

– Да уж, – чуть слышно усмехнулся Платон. – Тусим. Развлекаемся.

И уже громче, для сидящий в противоположном углу клетки пояснил:

– Не понимаю я тебя, товарищ.

Напряг память, и выдал, что смог вспомнить:

– Нихт ферштейн, но компрене, донт андестенд. Бельмим, чёрт возьми! Кенгуру, – добавил он, вспомнив рассказ учителя о происхождении названия этого животного.

Но ни один из предложенных языков не произвёл на собеседника впечатления. Зато снаружи клетки наметилось движение, и вскоре рядом с Платоном поравнялся всадник в такой же, как у похитителей, вязаной юбке и жилете. Он внимательно, но с некоторой опаской, посмотрел на пленника, не глядя похлопал себя по бедру, и Смирнов к своему удивлению обнаружил там короткий кривой меч.

– Да ни фига себе, – в который раз удивился он. – Это куда же я попал?

Глава 5

Платон не верил своим глазам. Всё это, и деревянная, сработанная без единого гвоздя, клетка, и конвоир в юбке с мечом на боку, и даже пробегающие мимо деревья, всё казалось каким-то сном. Так не бывает, в который раз твердил себе пленник. Меня, наверное, огрел тот амбал, и я теперь лежу себе где-нибудь на тротуаре, а всё это мне чудится. Сейчас подъедет скорая, мне вколют какой-нибудь стимулятор, и я приду в себя. Или это, как его, «Разряд! Ещё разряд!», или как там полагается в подобных случаях?

Но словно назло его желаниям, окружающие видения не пропадали, наоборот, спина и окрестности начали болеть из-за впивающихся в кожу заноз, пить хотелось неимоверно. К тому же, обоняние, кажется, вошло в рабочий режим, и теперь запахи цветущих трав и зелени наглухо перебивались вонью пота, как людского, так и конского, пыли, гнили и много другого, включая даже запах дёгтя.

Сосед по клетке подполз ближе и тронул Платона за руку. Теперь было видно, что это кряжистый, мощный мужчина лет сорока, с пробивающейся сквозь слой пыли недельной небритостью, и когда-то тёмно-русыми, а сейчас пыльными волосами. Его лицо напоминало детскую раскраску. Серый лоб, нос двух цветов – слева пыльный, а справа явно разбитый – красный. На лбу возвышалась огромная, жёлто-лиловая шишка, а левое глазное яблоко было алого цвета от

лопнувших сосудов.

Он подполз к Смирнову, не поднимаясь даже на колени, тронул его за руку и чуть слышно спросил:

– Тухуду нама ки?

Платон вслушался.

– Нама, – повторил мужчина.

– Нама… Имя что ли? Платон, – и для достоверности ударил себя ладонью по груди.

– Палахон, – повторил собеседник. – Палахон сага хай.

После чего гулко двинул себя кулаком напротив сердца и тоже представился:

– Дарамадона.

Да уж, мадонна, подумал Платон. Вот уж кто ничуть не похож ни на какую мадонну. Как же его, такого мощного поймали? На вид он запросто всех конвойных раскидает. И вдруг мадонна. Дарамадона… что-то это имя напоминало.

– Дормидонт? – вопросительно повернулся Платон к собеседнику.

Тот нахмурился, потом хлопнул ладонью по деревянному полу так, что доски пошли звоном, и сказал:

– Ки тусим масакова ита хо?

Ну вот, и здесь москвичей не любят, подумал Платон.

– Да. Москва.

Но Дормидонт его уже не слушал. Он повернулся к третьему пленнику и что-то уверенно говорил, то и дело повторяя «масакова». Платону снова стало страшно. Сейчас ещё побьют, подумал он. Что «москали» здесь не в почёте, было понятно. Оставалось опасаться, чтобы нелюбовь не вылилась в физическую ненависть. Но неожиданно помог охранник, или конвойный, или как его не назови, пленники с этой стороны деревянных прутьев, а он – с той.

Всадник ударил коня коленками по бокам, отчего приблизился к клетке почти вплотную, и грозно повторял, потрясая бамбуковой дубинкой:

– Баракаро! Баракаро!

Видимо, эта абракадабра всё-таки несла какой-то смысл, потому что собеседники дружно замолчали, и прижались к прутьям клетки. Конвоир звонко провёл дубиной по деревянным брусьям, удовлетворённо кивнул, и, ударив коня коленями в бока, проехал вперёд.

Платон сидел, вжавшись в угол и закрыв глаза. Нереальность происходящего сводила с ума. Неужели он на самом деле едет в примитивной деревянной клетке, как какой-то раб? И эти люди… Где, в какой стране так одеваются? Да уже лет сто, как нигде. Шорты гораздо удобнее. Положение было таким, что, если бы Смирнов знал хоть одну молитву, обязательно бы начал молиться.

Что-то колючее ткнулось в плечо, и Платон открыл глаза. Рядом с клеткой, так же верхом ехал странный человек в чёрном балахоне, это на такой-то жаре, чёрной высокой шапке с непонятной кокардой и висящим на груди расписным яйцом, похожим на творения Фаберже. На седле, прямо под задницей седока висело чучело собаки. Но не всё, одна голова с оскаленной пастью и настороженно поднятыми ушами. Тыкал именно он. Причём небольшой, явно декоративной метлой, которую держал в руке.

Интересно, кто это, подумал Платон. Если бы не собачья голова и метла, то был бы вылитый священник. А так… Что-то вспомнилось. Метла и собачья голова. Опричник что ли? Но они, вроде, при Иване Грозном были. Это лет пятьсот уже.

Тем временем, метла снова ткнулась в плечо, на этот раз ощутимее. Тонкие острые прутья продавили голую кожу почти до крови. Смирнов глянул в глаза «опричнику» и недовольно спросил:

– Ну чего?

– Ты московит еси? – тот говорил с таким явным пренебрежением, словно перед ним был не человек, а в лучшем случае таракан.

– Что? – не понял сначала вопроса Платон.

Акцент был гортанный, похожий то ли на немецкий, то ли на турецкий. Но через секунду сознание распознало русские слова, и пленник интенсивно закивал.

– Да. Я из Москвы.

Собеседник ничего не ответил, лишь задумчиво прикрыл глаза, будто глядя из-под ресниц, и, секунду помедлив, ударил своего коня коленями в бока, уходя вперёд. Платон печально посмотрел ему вслед. Внезапно, плечи сами собой вздрогнули, руки безвольно повисли. Пленник чуть слышно всхлипнул, затем ещё раз. Минута, и Смирнов лежал на дощатом полу клетки, заходясь истерическим плачем. Его трясло, руки непроизвольно шарили вокруг тела, глаза были закачены под лоб.

Надсмотрщик хотел подъехать, разобраться, и уже достал короткую кожаную плётку с несколькими хвостами, но человек с собачьей головой, подвешенной у седла, уверенно взял его за руку и остановил одним взглядом. Надсмотрщик недоуменно пожал плечами.

* * *

Раннее тёплое солнце только показалось из-за горизонта, щекоча розовыми лучами набежавшие за ночь облака. Те, не выдержав ласковой пытки, разбегались в стороны, давая дорогу поднимающемуся светилу.

Первые блики зазолотили кроны высоких корабельных сосен, вырывая их из-под одеяла ночи. Ранние птахи, энергично стряхивая с себя ночную росу, робко пробовали подстывшие за ночь голоса. Под неохватными дубами, раздвигая неугомонными, постоянно шевелящимися пятаками корни и старые листья, полезли из ночных лежбищ на зарождающийся свет кабаны. Вот уже заиграли

яркие золотые зайчики на флюгерах остроконечных крыш хорома коназа Владигора. Из стойл послышалось фырканье проснувшихся коней, из курятников первые робкие кудахтанья. Единственный петух в хороме давно уже спел свою утреннюю побудку и теперь гордо восседал на маковке сторожевой башенки, с достоинством наблюдая, как, повинуясь его зову, поднимается из-за края Земли Ярила-батюшка.

Весёлый солнечный зайчик в две ладоши размером запрыгнул в узкое окошко горенки и, примостившись на потолке, задрожал, готовясь продолжить путь. Вот он ещё раз, особо сильно, вздрогнул, и неспешно двинулся к стене. По-хозяйски прошёлся по вывешенным под полицей платьям, как простым, на каждый день, так и парочке праздничных, вычурных, и ни разу ещё не выгулянных. А куда в них ходить здесь, в лесу, среди Ариманских гор? Лишь один раз надевала эту красоту хозяйка. Покрутилась перед зеркалом, повздыхала сокрушённо, да и повесила от соблазна подальше обратно.

Солнечный разведчик спустился на явно самодельного тряпичного мишку, бережно усаженного на край тумбы. Мишка был воином, это виделось по проволочной кольчуге, сплетённой ловкими руками из тонкой медной нити, по мечу, выточенному из столового ножика, и аккуратно пришитого к лапе игрушки широкими чёрными стежками. Зайчик задержался, будто пытаясь поближе познакомиться с хранителем покоя хозяйки, и ловко перепрыгнул на кровать.

Путь по постели предстоял длинный. Перед солнечным исследователем лежало широкое дубовое ложе, сделанное добрым топором и почти не познавшее иного инструмента. Лишь изголовье чуть тронул рубанок, да и то, похоже, лишь для того, чтобы хозяйка ненароком не занозила себе палец. Шутка ли, дочь самого коназа! Да батя за дитятко на самый дальний кордон сошлёт, и будет прав.

Сама же дочь крутым нравом пока не отличилась, вовсю смеялась с простыми ратниками. Хотя, чего греха-то таить, кто здесь, в Ариманских горах, простой-то ратник? Каждый, кого ни возьми, служилый да бывалый. Одна, чай, дружина уж много лет. Из одной братины квас пили, на одном поле кровь лили, да все вместе пуд соли съели. Иной раз и коназу подскажут, а где надо, то и поправят. Так что не зазорно девице с дружиной воинской якшаться. Не бесчестье то, а защита.

А вот и сама конежна. Спит, разметав по перине голые стройные ноги, цвета спелого ячменя, засыпав подушки, как опавшей осенней листвой, золотыми волосами. Солнечный зайчик не спеша прополз по гладкому бедру, словно

исследуя и запоминая, перешёл на прикрытый тонкой льняной рубахой чуть впалый живот, задержался на двух острых холмиках, поднимающихся и опускающихся в такт дыханию, натягивая этим движением тонкий лён. Затем, словно убоявшись собственной смелости, перескочил на круглый, почти детский подбородок. Вот и цель всего утреннего путешествия. Зайчик, передавая привет от нарождающегося солнышка, ярко осветил маленький острый носик спящей красавицы, задержавшись на нём, словно специально, чуть подвинулся, ложась на глаза, прикрытые чёрными, густыми ресницами.

Девушка поморщилась, смешно поводила кончиком носа вверх-вниз. Затем громко, не стесняясь, чихнула, и проснулась.

Взмахнули ресницы и в горнице будто стало светлее и спокойнее. Два глубоких синих озера некоторое время смотрели перед собой, затем конежна прищурилась, потерла нос, водя снизу-вверх основанием ладони. Няня сотню раз заказывала ей так делать, говоря, что задерётся носик, как кабаний пятак, но девушка никак не могла пересилить дурную привычку.

Наконец, хозяйка горницы привстала на своём ложе. Она откинула пуховое одеяло, которое всё равно ничего не покрывало, а лишь валялось комом в ногах, сковывая движения. Ловко спрыгнула с кровати на пол, шлёпнув по доскам босыми ступнями, и вдруг неожиданно быстро крутнулась вокруг себя на одной ножке. Энергичное движение вызвало смех. Девушка, не видя причины таиться, звонко засмеялась, потом потянулась, высоко над головой подняв тонкие красивые руки.

Грудь, дёрнувшись от резкого движения, поползла вверх, рисуя по ночной рубашке соблазнительные колышущиеся волны. Конежна искоса, не опуская рук, глянула на себя в зеркало, снова засмеялась звонким, почти детским смехом, и вдруг, ничуть не показав этого намерения, резко опустилась чуть не на самый пол, вытянув влево одну ногу и согнув в колене другую. Руки она при этом выставила вперёд, сжимая рукоять воображаемого меча.

Девушка энергично махнула руками влево, затем вправо, изменяя траекторию и опуская пустые кулаки. Потом вздохнула и поднялась. И вдруг рывком катнулась по полу влево, затем вправо, и так же быстро вновь встала на ноги.

Через две минуты из горницы вышла полностью одетая конежна, с узелком в руке и стальным блеском в глазах. Она лёгкой мышкой порскнула по приступочкам вниз, чуть не сбив караульного, что стоял у входа, и, не поздоровавшись, выпалила:

– Дядька Буривой здесь? Видал его?

Часовой степенно одёрнул гимнастёрку, поправил висящий на плече в чехле лук, и молодым баском ответил:

– Так был уже с утра. Ещё до солнышка. Сейчас, поди, конюшню проверяет.

Девушка, не дождавшись последних слов, уже бежала вниз по крыльцу, с разбега окунаясь в раннее, росное, но такое приятное, утро.

Не прошло и десяти минут, как через заднюю калитку не таясь, но и стараясь не шуметь, вышли, ведя в поводу коней, две фигуры. В одной угадывалась знакомая конежна. Узелка с ней уже не было, он висел, притороченный к седлу красивой тонконогой белой кобылицы. Вторая фигура была почти на голову ниже. И лошадёнка, которую вёл спутник девушки, на фоне красавицы кобылицы смотрелась кургузо и нелепо. Короткие сильные ноги, обрезанный почти под корень хвост, шея, более подходящая ослу… Да и сам попутчик конежны был мал, худ, кривоног, и неказист. Тощая бородёнка, свисающая почти до груди, но прозрачная как рыбачья сеть, костлявые плечи и раскосые, узкие глаза, выдавали в нём восточного жителя. Картину органично дополнял и костюм. Серая рубаха без застёжек и такого же цвета штаны чуть выше щиколоток. Головного убора на мужчине не было, а длинные, чёрные с проседью волосы он заплетал в тонкую косицу. Ноги жителя тайной державы были босы, но неприятностей это ему, похоже, не доставляло.

Как только калитка закрылась, к ней подошли ещё двое. На этот раз в паре легко можно было распознать бранных людей хорома. Одинаковая, пятнистая форма, прикрытая сверху воронёной кольчугой, на поясах мечи, в поводу также кони. Воины степенно прошли наружу, сноровисто вспрыгнули в сёдла и пошли шагом по следам конежны со спутником.

Глава 6

Солнце клонилось к западу, укрывая двор хорома густыми длинными тенями, когда часовой на башенке вдруг завозился. Размашисто ударил несколько раз в щит ножнами, чтобы привлечь внимание, и истошно заорал:

– Едет! Едет батюшка!

Двор мгновенно пришёл в движение. Неизвестно, откуда появились бегущие люди, полуодетые солдаты. Стог, стоящий в углу, тоже зашевелился, выпуская на свет двоих заспанных молодцов. Взволновался даже петух, до этого спокойно сидевший на маковке той самой башенки и самодовольно приглядывавший за своими многочисленными жёнами. Но теперь он вскочил, взвился в воздух, суматошно хлопая крыльями, сделал пару кругов над двором и даже собирался закричать, видимо, вторя часовому, но вместо того, кубарем скатился под стену, и побежал в курятник. Куры, глядя на недостойную суету, с которой прячется их муж и господин, закудахтали и тоже ринулись в укрытие, органично вписываясь в общий бедлам, царящий во дворе.

Наконец, ворота тяжело и натужно раскрылись, и во двор, цокая копытами по мостовой и звеня снаряжением, въехала кавалькада всадников. Во главе её ехал мощный седобородый воин, блестя на заходящем солнце начищенным стальным панцирем.

Десяток остановился, предводитель тяжело, но ловко, спрыгнул с седла, и подошёл к встречающему его десятнику Буривому.

– Не нашёл? – хмуро спросил десятник?

Воины прошли вместе не одну брань, и вне строя не нуждались в демонстрации иерархии.

Коназ хмуро покачал головой, разрешающе махнул сидящему сзади в сёдлах десятку, и, передав снятую на ходу перевязь не глядя, кому попало, прошагал в хором.

Пятью минутами позже он уже сидел в трапезной, смачно уплетая гречневую кашу с бараниной. Остальные походники не отставали от предводителя.

А когда ночь окончательно опустилась на стоящий среди горных склонов одинокий хором, который, подобно замку?, перекрывал единственный в здешних местах путь на Русь, за что местные называли его на франкский манер за?мком, уставший за день коназ без стука вошёл в опочивальню дочери. Делал он это крайне редко и только тогда, когда был в расстроенных чувствах.

Дочь уже вплотную подобралась к возрасту невесты, в фигуре, лице и движениях осталось мало детского, так что отец, заботясь о её добром имени, крайне редко позволял себе подобную бестактность.

– Папа, ты чего? – удивлённо оторвалась от пялец конежна, вскидывая глубокие синие глаза на хмурого отца.

– Беляна! – отец попытался начать речь грозно, но выдал себя сразу же, обратившись к дочери домашним именем.

По записной сказке конежну звали Мирослава. Но среди домашних чаще использовалось младенческое прозвище.

– Беляна, – повторил коназ, убедившись, что дочь отложила рукоделие и смотрит на него достаточно внимательно. – Ты зачем снова таскаешься в лог с Ванькой-скрытником? А ежели лихие люди нападут? Хочешь, чтобы я и тебя потерял?

При этих словах лицо старого воина болезненно сморщилось и потемнело. Мирослава резво подорвалась со своего места и быстро обняла отца.

– Папочка, ну что ты? Мы же не в дикие земли ездим, а на Русь. Что там случиться может? Да и защитник из Вана отменный. И потом, – девушка хитро сощурила глаза, хотя было видно, что настроение у неё самой не очень. – ты же сам отрядил двоих воев за нами следить. Случись что, уж, поди, вытащили бы меня из передряги. А Ван, он знаешь, как драться умеет? Ты не гляди, что мал да хил. В его скрытной стороне все таковы, а дерутся так, что и нашим не одолеть.

– И ты у него, значит, учиться возжелала? – не столько вопросительно, сколько утвердительно сказал батюшка.

– Да, – в голосе Беляны звучала непривычная отцу сталь. – Не хочу, чтобы и меня тоже…

Девушка бросилась на кровать, и вскоре до коназа долетели заглушённые периной рыдания. Он поскрёб грубой пятернёй коротко стриженный затылок, ещё пару секунд посмотрел на плачущую дочь и тихонько вышел из горницы, аккуратно затворив за собой дверь.

В дружинную спустился уже не недоуменный отец, а грозный предводитель воинов. Он жестом подозвал к себе сидящего на кровати, скрестив ноги непривычно для русских, Вана, которого все в хороме называли попросту Ваня. Тот легко, не наклонившись, встал, подошёл к Владигору и чуть заметно поклонился.

– Конежна бает, ты заморскому бою учён? – безо всякого приветствия спросил коназ.

– Учён, батюшка. Я же из императорской службы, нас много, чему учили.

Житель Скрытой Стороны, или по-старому, Ки-Тая, говорил по-русски почти без акцента. Только «ч» и «ж» его больше походили на «с».

– А меня мог бы рушить?

– Ты сильный воин, батюшка. К тому же твои славные предки ушли на круг ратниками, от того кроме силы и умения воинского, благоволит тебе боевая удача. Я вряд ли бы справился.

– Посмотреть хочу, так ли ты, Ваня, хорош, как говорит о тебе моя дочь. Ведь водишь ты её не в людные места, а в дикий лог, и учишь своему бою, не поговорив прежде с отцом. Не иначе, хорош должен быть твой боевой стиль, чтобы так уверенно ты себя чувствовал.

Владигор понимал, что разноса не получилось, уж больно независимо стоит перед ним этот скрытник. Да и не было перед Ваном власти у местного коназа, потому что подчинялся тот императорской тайной службе, а в Ариманских горах оказался по той же причине, что и сам Владигор – наводить порядок среди диких окрестных племён. Но самоволие пусть и чужого подданного, раздражало. И лучшим способом спустить пар была простая дружеская стычка. Не до смерти и даже не до увечья, а так, именно чтобы сбросить дурную энергию.

Они вдвоём вышли на двор. Коназ снял с себя рубаху, в которую Вана можно было бы завернуть трижды, размял кулаки, и неспешно двинулся на супротивника. И в тот же момент получил увесистый удар в подбородок. Помотал головой, приходя в себя, но перед ним уже никого не было. Скрытник оказался сзади, и, если бы Владигор интуитивно не понял, что следует сместиться с линии возможной атаки, лежать бы ему в пыли и прелой соломе. Он чуть не успел захватить атакующую сзади в бок ногу. Получилось лишь ударить по ней, но лёгкому противнику хватило и этого. Ван кубарем покатился по двору, правда тут же ловко, не поднявшись, а будто разогнувшись в покате, встал на ноги. И без промедления ринулся вновь в атаку. На этот раз удар был низким, на уровне ног. Коназ тяжело подпрыгнул, и даже успел пнуть лодыжку атакующего. Но проглядел кулак, попавший на этот раз прямо ему в затылок. В голове вновь загудело, но коназ заметил, что Ван, воспользовавшись заминкой, сместился влево. Ещё не придя в себя окончательно. Владигор устремил в ту сторону кулак, никуда особо не целясь. Однако, попал, и его противник второй раз покатился собирать со двора солому. Коназ, развивая успех, сделал шаг к поверженному Вану, но тут под одной ногой оказалась чужая пятка, тогда как другую ощутимо ткнули под коленку. Он, натужно хекнув, опустился на землю возле противника, и, конечно же, не преминул воспользоваться сокращением дистанции. Схватил Вана за отвороты рубахи и, резко поднявшись, швырнул лёгкого скрытника далеко в сторону.

Коназ тяжело дышал, отходя от потешного боя, когда, чуть прихрамывая, к нему подошёл Ван.

– Ты, батюшка, Молчана чуть не зашиб.

Коназ непонимающе поглядел тому прямо в глаза.

– Когда ты меня в сторону ринул, не заметил, что там Молчан стоял. Ну а я не белка, чтобы в полёте направление менять, – Ван невозмутимо пожал плечами.

Коназ секунду ещё смотрел на бывшего противника. А потом громко и басовито расхохотался. Его смех будто отразился от стен, многократно повторившись. Владигор огляделся и только сейчас заметил, что весь двор заполнен дружинниками. Воины образовали круг и, похоже, с удовольствием наблюдали всю схватку. Сейчас, под взглядом командира, они один за другим незаметно ныряли в темноту. Через минуту во дворе остались лишь Владигор, Ван и десятник Буривой.

– Ну что ты на дочку взъелся, Большак?

Буривой и Владигор были знакомы с детства и практически не называли друг друга официальными именами, предпочитая домашние клички. Буривой называл Владигора Большаком, то есть старшим, а тот в ответ, помня детский задор друга, звал того Бравлином, что значило «храбрец».

– И ты туда же, Бравлин? – вопросом ответил Владигор. – А случись что с девочкой, что делать будешь? Чай, не меньше чем мне она тебе любима.

– Так потому и не против я, чтобы Ваня с ней занимался. Пусть научит Беляну не бояться бить, не бояться быть битой. И слава богам, если знания эти ей не понадобятся.

– Коназ Владигор, я прекрасно понимаю, что учу не воина, а девицу. И знаю, что случилось с вами.

Коназ пристально посмотрел на скрытника, коротко переглянулся с другом, и спросил:

– Ты сам-то что забыл во хороме?

– То же, что и вы.

– Неужто Карагоза ищешь?

– Его самого. Для того и направил меня сюда наш тайный приказ.

Ван плавным движением вытянул левую руку и показал запястье, унизанное несколькими рядами кожаных висюлек. Там были как широкие наручи, они же браслеты, так и простые верёвочки с камешками или просто узлами. Он ткнул пальцем в один из камней, как показалось коназу, наобум.

– Видишь, синий. Значит, Карагоз не далее, как в полусотне вёрст отсюда.

– Что ж ты, заморыш… – начал было Владигор, но сорвался, уткнувшись в непривычно волевой взгляд скрытника.

– Я один. А у Карагоза десяток. Да и ты ни дня не провёл без поисков. Только мешали бы друг другу.

– Постой, – коназу пришла в голову неожиданная мысль. – Ведь получается, ты с магами дело имеешь? Выходит, не покинули они землю русскую?

– Не все, батюшка. Кто и правда под землю до света ушёл, а те, кто к воинскому делу никак применён быть не может, в пустынях да горах сокрылись. И хоть явно влиять у них права нет, а вот оберег или амулет сделать могут.

– У меня мысль появилась, – пробасил Бравлин. – А если нам завтра вместе пойти? Поскачем, пока цвет не переменится, тогда и будем знать, что до Карагоза полста вёрст, и даже в какую сторону.

С минуту мужчины переваривали новый план, а потом по очереди кивнули.

– Решено, – подвёл итог Владигор, и двинулся в хором. На дворе стояла уже густая глубокая темень.

Лишь только завиднелось во дворе, из ворот, звеня сбруей и позёвывая, потянулся десяток конных воинов под предводительством коназа. Справа от командира ехал на своей куцей лошадёнке Ван.

Дружина угрюмо втянулась в лесную чащу и зашагала под кронами деревьев. Ехали молча, говорить никому не хотелось. Лишь Владигор время от времени жестом просил своего спутника оголить запястье, но убедившись, что камень в амулете сохраняет синий цвет, равнодушно отворачивался.

Так двигались несколько часов. Горы выродились в невысокие предгорья, лес сменился степью, лишь кое-где разбавленной чахлыми, видными на просвет рощицами низкорослых деревьев. Солнце прочно закрепилось над головой, нагревая блестящие шлемы и кольчуги. Вдруг Ван поднял руку.

– Стой! – зычно крикнул Владигор и дружинники с радостью замерли.

– Чёрный, – вполголоса произнёс скрытник.

– Значит, что?

– Значит, дуем назад ровно полста вёрст. Там этот ирод и будет, – подытожил Буривой.

– Людям передых надобен, – заботливо заметил коназ.

– Вот посинеет сызнова, тогда и передохнём.

На привал остановились через полчаса, в хилой, едва прикрывающей от яркого солнца рощице. Коней не рассёдлывали, кашу не варили. Всадники устало сползли с сёдел и тяжело плюхнулись в жухлую траву.

Кое-как перекусили, напоили лошадей и дали им с час попастись. Вскоре отряд уже продолжал движение.

Прошло ещё три часа, когда Ван вновь обратил внимание коназа.

– Снова чёрен, батюшка. Ушёл Карагоз.

– Не может быть! – возмутился за командира Бравлин. – Мы же навстречу движемся. Не мог он уйти.

– Однако в круге на полста вёрст его нет.

– Ну, ежели сбежал! – взвился Владигор. – Из-под земли достану! Слушай, скрытник, а у него не может быть своего амулета? Такого, чтобы ты его не

видел.

– Этот камень на его крови замешан. Нет от него укрытия, хоть в гору спрячься, хоть в землю заройся.

Коназ соскочил с седла и с рёвом побежал по кругу. Воины почтительно молчали.

Три месяца дружина скакала по диким землям, но так и не нашла бандита. В другом случае, может, и бросили бы давно, подали царю прошение на вызов службы особой, поисковой да расследственной, но не сейчас.

Три месяца назад на дальний хором, куда уехал для проверки и обучения местной дружины коназ, отправились и его жена с дочкой. Всё честь по чести, с десятком бывалых воинов. Но перехватили их в пути люди татя и разбойника Карагоза. Жену обесчестили и зарезали как овцу, ножом по горлу, воинов, кого самострелами положили, кого мечами. Дрались не по чести, с амулетами и холодным чёрным колдовством. И трое одного били, и дубиной из куста, и самострелом с дерева, и ледяной морокой, и многими нечестивыми хитростями. Почти весь отряд полёг на лесной дороге. Конежну Беляну спасло только то, что ехала она в возке другом, да чуть приотстала. Ой, хорошо молодой девице было видно, как издеваются над матерью, как убивают знакомых с детства ратников. А потом и их возок заметили. Молодой, да разумный воин Боян, бывший тогда за возчика, умудрился выскочить в чащу сам и девицу вытащить, тем и спаслись оба.

Они пришли в хором через два дня, усталые, голодные, грязные и единственные живые. Первые дни Беляна ни слова не сказывала, лишь потом в себя приходить начала. Но ни на двор выходить не желала, ни к дружине. Один лишь человек смог её расшевелить, да и тот пришлый из тайной стороны, Ки-тая, странный человек, то есть путешественник, Ван.

А коназ до вчерашнего дня и не знал кто есть таков их непонятный гость. Принял его сперва за перехожего, мало ли странников по дорогам ходит. Приглядывали, конечно, но чужак вёл себя с вежеством, дурного за ним не видели. А уж когда после его уроков конежна совсем в себя пришла, даже улыбаться иногда стала, довольный отец и вовсе успокоился. Наказал лишь двоим бойцам наблюдать за ученицей, да и то, больше не из боязни, как бы

странник не обидел девочку, а для собственного спокойствия.

А сам же поклялся перед ликом, что найдёт обидчика и лично покарает. С тех пор каждый день десяток дружинников колесил по диким землям в поисках Карагоза.

И вдруг тот пропал, как в воду канул. Да и то, если б в воду, амулет, поди, нашёл бы, недаром на крови замешан.

Владигор стоял у тонкого, двумя ладонями обхватить, дубка и пытался придумать, что делать дальше.

А главное, никто этого Карагоза-то и в лицо не видал. Местные, у которых дружина пытала про татя, описывали только доспех. Правда, в один голос и почти слово в слово. На это и была вся коназова надёжа. И вот сейчас пропала последняя ниточка.

– Коназ-батюшка, – Ван аккуратно тронул Владигора за литое кольчужное плечо.

Тот дёрнулся, но не повернулся.

– Тебе жить дальше надо.

– Да на что мне жить-то? Какой-то тать лесной жену обесчестил и как козу зарезал, дочку чуть не потерял. И даже отомстить не могу.

– А вот не будешь жить, умрёшь. Сам понимаешь, нет жизни, значит, приходит Мара.

Владигор замер.

– Ты, батюшка, что сейчас должен делать?

– Дома быть. Там целый город без пригляда.

– Вот. А ты здесь себя убиваешь. Скажи, если умрёшь, будет от того Карагозу хуже?

– Наоборот, лучше будет.

– Прав ты, коназ. А потому мой тебе совет. Езжай к себе в Калач-град, и постарайся снова начать жить, как раньше жил. А я здесь останусь. И уж коли объявится тать, не премину послать за тобой со всей скоростью.

* * *

За прошедшую неделю Платон, если и не смирился с ролью пленника, то во всяком случае, успокоился. А куда было деваться, если даже по нужде их никто и не думал выводить? Кидали за решётку один на всех круглый каравай тёмного хлеба да небольшой, литра на два, бурдюк вонючей, затхлой воды, а наутро под решётку просовывали собранный из травы веник и им приходилось самим выметать за собой отходы. Хорошо, хоть с соседями повезло – делились едой и водой честно. Что было бы, вздумай этот кряжистый бородач выпить и съесть всё один, Платон даже боялся представить.

Общение понемногу налаживалось. Женщина, как оказалось, неплохо знала русский. Хоть и было заметно, что это не родной её язык – фразы строила неправильно, говорила слишком грамотно – но акцента почти не было.

Платон узнал, что едут они по дикой территории в город Дамаск, на торги, где все трое будут проданы с аукциона.

– Это что же, настоящие рабы? – не понял сначала молодой человек?

– А разве они бывают какие-то ещё? – ответила вопросом женщина.

Звали её Подана. Она была русской и родилась в Астраханском ханстве, в Царице. Но в детстве её вместе с сестрой выкрали проходящие караваном хазары, и с тех пор где только Подана не жила. Сестра умерла десять лет назад, когда они обе мыли полы в бане в византийском городе Опоше. И вот сейчас уже привыкшую к рабской доле женщину везли продавать седьмой раз.

– Вот тебе бы сейчас освободиться, – мечтательно проговорил Платон как-то. – То-то радости было бы.

– Ох, милок, – по старушечьи ответила Подана. – Я, чай, и забыла уж, какова она, воля. Там и еду самому надо добывать, и жильё себе мастерить. А я, старая, привыкла, что за меня всё хозяин решает.

Платон даже замер от таких слов. Как же так, не рваться на волю, не любить её?

– Подана, а спроси у Дормидонта про волю? Давно ли он в рабстве?

– И спрашивать не буду, чего бередить-то? Сама скажу. На неделю дольше тебя в оковах пребывает. В бою его захватили. Раненый был весь, думали и дня не протянет. Да колдун у хазарских купцов оказался хорош, вытянул, можно сказать, с того света. Жаль, зря.

– Почему зря? – недоуменно переспросил Платон. – Жив же остался.

– Он же манорский краколец, – сыпала Подана неизвестными словами с таким видом, будто каждому сразу должно быть всё понятно.

– Кто-кто?

– Откуда ты прибыл, парень, что ничего не ведаешь? Город такой есть, Кракола, или Карачи, по-ихнему. А в нём крепость – остров Манор. Живут там ярые вои, что ни за что не уйдут на круг рабами. Верят, что свободный после смерти вновь свободным родится, а раб – рабом. Потому и пытался Домидонт бежать, пока мог. Хоть смерть принять, но без ошейника.

– Ошейника?

– Так ты и этого не слыхал? Вот продадут нас, каждому его хозяин ошейник наденет. Кому простой, кожаный, а кому и золотой. Как ценить будет.

В разговорах о мире, в который попал Платон прошла неделя. За это время он многое узнал, и мало, что ему понравилось. Но молодой человек понял главное – при первой оказии из каравана нужно бежать, иначе всю жизнь проведёшь в

рабстве.

Само это понятие для юноши, воспитанного советской, а потом постсоветской школой было достаточно абстрактным, но желание быть свободным вбили ещё на уроках истории, рассказывая о нелёгкой участи крепостных. Поэтому Платон, лишь только освоившись в клетке, внимательно поглядывал, не забудет ли надсмотрщик запереть дверь, не расшатается ли деревянный брус…

Глава 7

Неделя пребывания в клетке не прошла для Платона бесследно. Он стал апатичным, двигался мало. Чаще всего сидел, подпирая деревянные брусья решётки спиной, полузакрыв глаза. Даже мысли в голове шевелились вяло, без энтузиазма. А зачем, если вся дальнейшая жизнь будет проходить в ошейнике, как у цепного пса? Туда нельзя, сюда нельзя. Покормили – поел. А если хозяин захочет его за что-то наказать, то может до полусмерти запороть. И неважно, есть за что, или просто настроение плохое.

Последние мысли оборвались, споткнувшись о внезапно прекратившееся покачивание клетки. Обычно караван двигался весь световой день, останавливаясь только после захода солнца, так что постоянная качка прочно вошла в существование рабов. Точно так же, как это происходит у моряков, привыкающих к волнению до такой степени, что, сойдя в порту, им кажется, будто земля качается.

Сейчас произошло что-то подобное. Караван остановился, все мужчины, а их за неделю Платон насчитал двадцать два человека, выстроились в подобие линии справа от тропы. Воины были одеты в кожаные нагрудники, шлемы, у кого кожаные, а у кого и стальные. Лучники спешно натягивали тетивы.

– Что случилось? – лениво спросил Платон у Поданы.

– Тохтач, – в своей непонятной манере ответила женщина.

Платон некоторое время молчал, переваривая незнакомое слово, катая его на языке, будто это могло объяснить смысл задержки. Так ничего и не поняв, переспросил:

– Что Тохтач?

– Мы же по его земле движемся. Вот он и приехал за платой. Бой будет.

– Почему?

Платон по-прежнему ничего не понимал. Пусть чужая территория. Заплати и иди дальше, как в метро на турникете. В Москве как раз стали менять механизмы входа на станциях с советских, открытых, на новые, закрытые, и сравнение очень удачно пришло в голову.

– Так жаден наш Асават аки змея. Целиком проглотить готов, лопнуть не боится.

– Асават? Это кто?

– Ну и дурень ты, младен, – улыбнулась беззубым ртом Подана. – Седьмицу в клетке Асавата едешь, а как его кличут не знаешь.

– Больно нужен, – проворчал Платон и замолчал.

А в стороне от дороги развивались события. Откуда-то подъехала вторая группа, раза в два больше, и остановилась метрах в ста. Некоторое время оба предводителя свирепо перекрикивались на языке, которого не понимала даже Подана. Воины использовали это время чтобы завершить приготовления к возможному бою. Кто не успел – натягивал на луки тетиву, перебирал стрелы в колчанах. Кто-то доставал топоры и кинжалы, мечей в группе Платон заметил всего пять. Гигант надсмотрщик полез под юбку и вытащил оттуда рогатку Смирнова, и теперь ковырял ногой землю в поисках подходящего камня. Ни о какой дисциплине и слаженности действий не могло быть и речи.

От леса в этих местах почти ничего не осталось, лишь тёмная полоска на горизонте, в предгорьях, говорила о густой зелени. Вокруг каравана бурела пожухлая трава высотой до пояса, из которой кое-где торчали каменные валуны,

и иногда встречались жёлто-бурые песчаные солончаки.

Бой начался внезапно. Лучники противника неожиданно и одновременно подняли луки и в воздух взлетела пара десятков стрел. Залп прошёл почти впустую, потому что защитники дружно закрылись деревянными, а кто и соломенными, щитами. Лишь пара вскриков говорили о том, что кое-кого всё-таки зацепило.

Щиты опустились, но, как оказалось, рано. В воздухе уже гудели стрелы второго выстрела. На этот раз простейшая воинская хитрость сработала. Треть бойцов Асавата повалилась на землю. Правда, многие тут же поднялись.

Над травой неспешно поднималось облако пыли, закрывая от Платона картину боевых действий. Некоторое время он ещё видел, как бежали, крича и размахивая топорами, нападавшие. Как ловко пускал камни, не сходя с места и даже не пригибаясь, надсмотрщик.

Молодой человек даже поймал себя на том. Что смотрит бой, решающий, возможно, и его судьбу, как кино. Без особых эмоций, отрешённо следя за ходом битвы и даже немного болея за «наших».

– А с нами что? – спросил он Подану, тронув женщину за пыльное плечо.

– Так отобьют и дальше поедем.

– А если не отобьют?

– Тоже поедем, но уже с Тохтачом.

Так и есть, подумал Платон. Барану без разницы, кто его на бойню поведёт.

Бой уже угадывался лишь по колебаниям пыльного облака, и многоголосым крикам, частью воинственным, а частью истошным. Время от времени из пыли выскакивала какая-нибудь дерущаяся пара, а то и двое на одного. Бойцы были густо покрыты серым и угадать в них принадлежность к той или другой группе не получалось. Они вырывались из облака, ожесточённо молотили друг друга и, или поднимали следующую полосу пыли, или сдвигались обратно. Иногда пыль

оседала, открывая лежащего на земле воина неопределённой принадлежности.

Интересно, как они после боя своих от чужих отличать будут, подумал Платон.

Последние слова в голове смешались, потому что в деревянный пол клетки врезался большой блестящий топор. Его за ручку держала отрубленная по локоть рука. Мощная, жилистая, она была перетянута по предплечью полосой кожи, за которой и кончалась. Виднелась розовая кость, ошмётки мышц, да пара ниток сухожилий.

Рука держала топор с секунду, потом пальцы разжались, и мёртвая конечность упала в траву. Платон секунду помедлил, сам не зная, чего ожидая, затем ползком подобрался к брусьям и попытался выдернуть лезвие из досок. Топор не поддавался. Смирнов почти повис на оплетённой кожей рукоятке, но сил не хватало. Он дёргал вверх и вниз, уже не опасаясь, что кто-то заметит, выбиваясь из сил, и почти садясь на рукоятку.

Неожиданно сильная, покрытая коростой грязи и порезами рука отодвинула Платона в сторону. К топору подошёл Дормидонт и в три рывка вытащил орудие из пола.

Перехватил рукоятку поудобнее, зачем-то поплевал по очереди на обе ладони и размахнулся для удара.

– Нет! – сипло крикнул Платон. – Туда!

И для верности показал на противоположную решётку. Там боя не было, пыли тоже летало гораздо меньше, а значит, вероятность уйти намного выше.

Дормидонт кивнул, в два огромных шага пересёк пространство пола, и одним ударом перерубил брус решётки. Второй тоже не стал сопротивляться. Не прошло и минуты, как оба пленника, расшатав подрубленное ограждение, выбирались наружу.

– Подана, идём!

Женщина сидела, бездумно глядя на выходящих на волю рабов и не знала, что предпринять. Платон подскочил к ней одним прыжком, и откуда только силы взялись, схватил за руку и потащил наружу. Она не сопротивлялась, но и сама не помогала никак. Вдвоём с Дормидонтом пленницу вытащили и даже сделали шаг в сторону видневшейся вдалеке полосы леса, когда гигант охнул и упал навзничь. Из-под его затылка торчала неожиданно толстая стрела.

Платон и Подана замерли в удивлении.

– Вольным на круг ушёл, – чуть слышно прошептала женщина. – Значит, боги его для нас послали, чтобы и мы в ошейнике не умерли.

И вдруг подняла на Смирнова неожиданно затвердевший взгляд.

– Что встал? Бежим.

Лесная чаща давила духотой. Золотые копья солнечных лучей вонзались в землю, используя малейшую брешь в густых кронах, отчего в самых тёмных уголках почти до заката поднимались вонючие испарения. Прелая листва под ногами шуршала, скрипела, а иногда и пищала, создавая ощущение ходьбы по живому существу.

– Где огонь, странник? – Подана держала на ладонях две лепёшки, основой которых были жёлуди.

– Сейчас! – раздражённо ответил Платон.

Он снова пристроил на большом твёрдом валуне щепотку трута, накрученного из волокон сухой травы, и, больше всего боясь поранить левую руку, тюкал под пучком огромным боевым топором.

Это был не первый опыт добычи огня. Они шли шестой день, и четыре из них Смирнов разводил костёр именно таким способом. Искры было мало, но он приноровился, и уже через минуту трут тлел расширяющейся алой точкой. Закинуть комок в сухие листья и раздуть пламя заняло ещё две минуты.

Подана ловко пришлёпнула лепёшки на круглые камни и сунула в самый жар.

– Ну, будем сыты теперь, – довольно проговорила она.

Рецепт еды сначала вызывал у Платона опасения – слыханое ли дело – жёлуди есть? Но оказалось, что, если их хорошенько размять, смешать с какими-то, известными одной только его спутнице, лесными травами, добавить чёрной терпкой ягоды и запечь в огне, получается даже ничего. Особенно, если перед этим долго голодать.

Беглецы наловчились даже заваривать чай. И опять без навыков Поданы ничего бы не вышло. Это она наковыряла в какой-то луже глины и слепила из неё неказистый, но неплохо держащий воду, горшок. Когда женщина принесла своё творение к костру, Платон удивился – как же в нём кипятить? Расползётся же. Но импровизированный чайник даже не пришлось ставить на огонь. Подана кинула в костёр четыре валуна размером в пару кулаков каждый, и когда камни раскалились, выкатила их, ловко используя две суковатых палки, и забросила в воду. Та почти мгновенно вскипела.

– Ловко, – удивился Платон.

– Да кто же ты такой? – в очередной раз поразилась невежеству спутника женщина.

– Человек, – угрюмо ответил тот.

– Откуда же такие человеки вылазят, что не ведают ничего? – теперь в её голосе звучал смех.

Платон некоторое время молчал. Но потом решился:

– Я, Подана, из другого мира. Жил там в большом городе, леса почти не видел. Ни охотиться, ни жить на природе не приходилось. И вдруг проснулся под тем самым дубом, где меня и поймали.

– Вон оно как, – не удивлённо, а скорее утвердительно сказала собеседница. – И робу такую странную у вас там носят. Что на тебе была?

– Одежду.

– Ну да. Платье.

– Так платье, это же женское?

– Платье – то, что под латы надевается. Неужто в вашем мире бабы латы носят?

– Никто их у нас не носит, – буркнул Платон.

– А чего говорил, что московит?

– Так я из Москвы и есть, то есть был. Из нашей Москвы.

– Ваша, наша… Москва одна что ли? Где мечеть, там и Москва.

– Как это?

– А так. Мечетью-то храм, чай, только на востоке зовут. А у франков, да и вообще на закате, ламская церква Москвой прозывается.

– Запутала ты меня. Давай лепёшки есть.

– Постой есть, младен.

Подана ловко выкатила оба валуна, умудрившись при этом не выпачкать еду в грязи, отщипнула от каждого по кусочку и с бормотанием бросила в ближайшие кусты.

– Сперва хозяина одарить надо, сколько тебе повторять?

– Да, да. Хозяину, я забыл.

– Невежа ты, младен. Вот закрутит тебя хозяин по лесу и прав будет.

Она уже не однажды поясняла молодому человеку о правилах поведения в лесу, на воде, в чужом доме. Но он почему-то не воспринимал её слова всерьёз. А ведь если дядька-леший и впрямь решит с ними пошутковать, ох, мало не будет. И

так впроголодь да без сил идут.

Подана укоризненно покачала головой и показала Платону глазами на лепёшки. Тот опустил взгляд, тоже отщипнул и бросил в кусты по кусочку.

– Прости, леший, – почти шёпотом сказал он.

Нет, Смирнов всё понимал, другой мир, другие законы. Но где эти лешие, где домовые и прочая нечисть? Ни тогда, ни сейчас он никого не встречал. Зато помнил ещё из деревенского детства такие же суеверия. Тогда над ними смеялась молодёжь, и, вот ведь чудо, никто из них не заблудился в лесу, не утонул в речке. Да и сейчас. Неужели леший, если он есть, не мог выгнать на беглецов, скажем, пару кроликов. Или хотя бы куропаток. От мысли о мясной пище у Платона потекли слюнки, и он жадно вцепился в отдающую горечью, жёсткую по краям, желудёвую лепёшку.

Солнце не спеша катилось в сторону заката, и путники решили обосноваться на ночь там, где сейчас стоят. Тут и еле заметная тропинка в траве, и ручей недалеко, и сухих листьев много, чтобы на ночь в них зарыться.

Глава 8

Платон привык просыпаться с затёкшей шеей, скрюченными от сырых листьев руками, росой в волосах. За эти дни молодой человек исхудал так, что единственное, что осталось от старой жизни – трусы, превратившиеся в рваную тряпку, еле держались на костлявых бёдрах. Руки и ноги стали тоньше почти вдвое, живот почти прилип к спине. Проводя по щекам, молодой человек чувствовал порядочную бороду, выросшую за последнее время. Ногти на руках и ногах постоянно ломались, задевая о камни, ветки и прочее.

Подана выглядела так же, как и в первый день, что Платон её увидел. Но и тогда она была тощей. Сгорбленной женщиной с волосами неопределённого цвета и в серой рваной хламиде.

Она же с детства в рабских условиях живёт, подумал, умываясь в ледяном ручье, Смирнов. Ей не привыкать. Он и сам привыкал ко многому, что раньше казалось невыносимым. Например, не замечал холода воды, мокрой травы. Не обращал внимания на ужасные с точки зрения городского жителя, условия сна. Про питание и говорить не стоило. Как же ему не хватало его ножика! И рогатки. Да и брюки с рубашкой не помешали бы. И кроссовки, конечно.

С печальными мыслями он привычно брёл по лесной тропе, вполглаза ориентируясь на спину идущей впереди спутницы. Подана отлично различала прогалины в траве, сам бы он давно заблудился. Неожиданно женщина остановилась и Платон, машинально сделав шаг, ткнулся ей в спину.

– Ш-ш! – сказала она и подняла руку. – Слышишь шум?

Платон прислушался. Далеко впереди, кажется, ревела толпа. Человек сто собрались и спорят. О чём – непонятно, слов не разобрать. Но вроде, говорят по-русски, он даже, кажется, время от времени вычленял отдельные слова.

– Кто там?

– Если не ошибаюсь, то впереди Турово ущелье. Водопад слышишь?

– Так это водопад? А мне казалось, толпа спорит.

– С непривыку так всем кажется. Пойдём.

Ущелье возникло неожиданно и как-то незаметно. Платон обходил скалу, которая начиналась как заросший мхом и мелким кустарником валун. Потихоньку зелень исчезала, уступая место угловатым камням и мокрым крутым склонам. И вот уже воздух наполнился влагой, под заходящим солнцем засияла, переливаясь из цвета в цвет, радуга, а под голыми и мокрыми ногами зашлёпали мелкие лужицы. Скала кончилась, открыв настоящую оборудованную площадку для отдыха. Среди камней лежал расколотый надвое ствол огромного, метр в диаметре, дерева. Причём, не просто лежал. Из него была вырублена колода, которую явно использовали в качестве стола. Расколотая середина оказалась сглажена каким-то инструментом, вдоль половин ствола расставлены удобные камни вместо стульев.

Дальше, за столом, играла и пузырилась меж камней неширокая речка, а может, широкий ручей. Метров пять шириной, глубиной по колено, не больше. Ручей брал начало от красивого широкого водопада метров трёх высотой.

С минуту Платон, как завороженный, смотрел на открывшуюся красоту. Потом перевёл взгляд левее. Там из валунов и обломков скал торчало сухое дерево, снизу доверху увешенное завязанными на ветвях ленточками всех цветов. Выглядело это очень празднично и чем-то напоминало Новогоднюю ёлку. У корней дерева лежал плоский камень, на котором тут и там валялись цветные бусины, несколько монеток, издалека невозможно было разглядеть, каких. Кроме того, прямо в центре стояли два глиняных обожжённых горшка и на них краюха хлеба и кусок вяленого мяса.

Как Платон оказался у валуна, он и не заметил. В горшках, по крайней мере в одном, оказался квас. Никогда ещё Смирнов не пил ничего вкуснее. Хлеб уже зачерствел, но с квасом шёл изумительно, заставляя живот урчать от радости. Но самым вкусным из предложенного оказалось вяленое мясо. Кажется, говядина, хотя Платон не был абсолютно в этом уверен. Твёрдое, густо пропитанное специями так, что запах мяса перемешивался с запахом гвоздики, базилика и ещё чего-то. Молодой человек жадно рвал угощение зубами и глотал почти не жуя. Лишь когда кусок закончился, он удивился, что Подана не приняла участие в трапезе. Осталось полкраюхи хлеба и второй нетронутый кувшин. Платон повернулся и, дожёвывая, протянул женщине остаток.

– М! – призывно промычал он.

– Я же не Мара, – снова в своей непонятной манере ответила та.

– Какая Мара?

– Богиня смерти.

Платон чуть не выплюнул то, что оставалось во рту. Вот это попал, съесть приношение богине смерти. И что теперь делать? Он не знал. Лучше было спросить у всезнающей Поданы.

– И что, нельзя трогать?

– Почему же нельзя? Не будет же она и в самом деле есть хлеб с мясом. Она богиня, ей нашего ничего не надо, наоборот, сама даст, ежели восхочет.

– А… мне ничего за это не будет?

– Да можно сказать, что и ничего. Считай, ты посвятил себя Маре, да и всё.

– Как это «посвятил»? Мне теперь ей служить придётся что ли? Так я и молитв не знаю.

– Что значит, не знаешь молитв? – удивилась в свою очередь Подана. – Они что, особенные какие-то? Ты со мной же говоришь, молвишь верно. А боги разве хуже меня? Слов не понимают?

– Постой, – Платон понял, что снова сказал что-то не то и попытался объяснить. – У нас специальные молитвы есть. За здравие там, за упокой, всё такое. Их специальные попы читают, ну, священники. Жрецы, то есть.

– Так у вас вера франкская. Для рабов. Видела я такое у немцев.

– Подожди. Франки и немцы, это же разные нации.

– С чего бы? Немцы – те, кто сами с богами говорить разучились, немы стали. Вот за них пасторы и говорят. А франки то, бриты или ещё какие свеи, то едино.

Платон запутался в этом религиозном споре и решил сменить тему. В животе царило животворящее тепло, растекаясь по мышцам силой, голова чуть вскружилась от выпитого кваса. Жизнь уже не казалась настолько ужасной. Он с блаженной улыбкой оглядел площадку.

– А сюда на пикники приезжают? Ну, отдохнуть.

– А кто для чего. Кто и просто отдохнуть, красотой полюбоваться, кто помолиться в тиши. А кто и силушку испытать.

– Силушку? Здесь бои что ли устраивают?

– Зачем? Воины меч выдернуть пытаются. Вон, туда глянь.

Платон посмотрел туда, куда указала рукой Подана и увидел, что в скале, примерно на высоте его роста торчит рукоять меча. Обычная, крестообразная, с маленькими шариками на концах гарды. У Арагорна в фильме, кажется, такой же был, лениво подумал он, а вслух спросил:

– Это кто же его сюда загнал?

– Так Тур же.

– Расскажешь? – Платон не сомневался, что Подана знает историю меча. Казалось, она вообще знает всё и обо всём.

Женщина взяла спутника за руку, подвела к столу из колоды и тяжело опустилась на валун. Платон покорно сел рядом.

– Давно это случилось, ещё когда миром свет правил и боги среди людей жили. Появился на Руси богатырь ярый по прозвищу Тур. Тогда все со всеми дружили и воевать не нужно было, так, иногда прогнать на закат, во тьму тех, кто по кону жить не желал. Да, допрогонялись. Как мир в ночь вошёл, вся нечисть с закатной стороны и полезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/misyurin_evgeniy/chernyy-grifon

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить